

The Holy See

ПОСЛЕСИНОДАЛЬНОЕ
АПОСТОЛЬСКОЕ ОБРАЩЕНИЕ

SACRAMENTUM CARITATIS
ВЕРХОВНОГО ПОНТИФИКА

ПАПЫ БЕНЕДИКТА XVI

ЕПИСКОПАМ,
СВЯЩЕННИКАМ,
МОНАШЕСТВУЮЩИМ
И ВЕРНЫМ ХРИСТУ МИРЯНАМ

О ЕВХАРИСТИИ –
ИСТОЧНИКЕ И ВЕРШИНЕ
ЖИЗНИ И МИССИИ ЦЕРКВИ

СОДЕРЖАНИЕ

Введение [1]

Пища истины [2]

Развитие евхаристического обряда [3]

Синод Епископов и Год Евхаристии [4]

Цель настоящего Обращения [5]

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ:

ЕВХАРИСТИЯ – ТАЙНА, В КОТОРУЮ ВЕРЮТ

Евхаристическая вера Церкви [6]

Пресвятая Троица и Евхаристия

Хлеб, сшедший с небес [7]

Свободный дар Пресвятой Троицы [8]

Евхаристия: Иисус – истинный жертвенный Агнец

Новый и вечный завет в крови Агнца [9]

Установление Евхаристии [10]

Figura transit in veritatem [11]

Святой Дух и Евхаристия

Иисус и Святой Дух [12]

Святой Дух и евхаристическое священнодействие [13]

Евхаристия и Церковь

Евхаристия – каузальный принцип Церкви [14]

Евхаристия и церковное общение [15]

Евхаристия и таинства

Сакраментальность Церкви [16]

I. Евхаристия и христианское посвящение

Евхаристия – полнота христианского посвящения [17]

Порядок таинств христианского посвящения [18]

Посвящение, христианская община и семья [19]

II. Евхаристия и таинство примирения

Их внутренняя связь [20]

Некоторые пастырские проблемы [21]

III. Евхаристия и елеопомазание больных [22]

IV. Евхаристия и таинство священства

In persona Christi capitis [23]

Евхаристия и священнический целибат [24]

Нехватка духовенства и пастырская забота о призваниях [25]

Благодарность и надежда [26]

V. Евхаристия и брак

- Евхаристия – брачное Таинство [27]
- Евхаристия и единственность брака [28]
- Евхаристия и нерасторжимость брака [29]

Евхаристия и эсхатология

- Евхаристия – дар людям в их странствии [30]
- Эсхатологический пир [31]
- Молитва за усопших [32]

Евхаристия и Дева Мария [33]

ЧАСТЬ ВТОРАЯ:

ЕВХАРИСТИЯ – ТАЙНА, КОТОРУЮ СОВЕРШАЮТ

- Lex orandi* и *lex credendi* [34]
- Красота и литургия [35]

Евхаристическое священнодействие – дело Всецелого Христа (*Christus Totus*)

- Christus totus in capite et in corpore* [36]
- Евхаристия и воскресший Христос [37]

Ars celebrandi [38]

- Епископ – литург в высшей степени [39]
- Уважение к литургическим книгам и богатству знаков [40]
- Искусство, предназначенное для священнодействия [41]
- Литургическое пение [42]

Структура евхаристического священнодействия [43]

- Внутреннее единство священнодействия [44]
- Литургия слова [45]
- Проповедь [46]
- Приношение даров [47]
- Евхаристическая молитва [48]
- Приветствие мира [49]
- Преподавание и принятие Евхаристии [50]
- Отпуст: *Ite, missa est* [51]
- Actuosa participatio* [52]

Подлинное участие [53]
 Участие и священническое служение [53]
 Евхаристическое священнодействие и инкультурация [54]
 Личные условия для деятельного участия [55]
 Участие христиан, не являющихся католиками [56]
 Участие через средства коммуникации [57]
 Деятельное участие больных [58]
 Забота о заключенных [59]
 Мигранты и участие в Евхаристии [60]
 Большие сослужения [61]
 Латинский язык [62]
 Евхаристические священнодействия в малых группах [63]

Внутреннее участие в священнодействии

Мистагогическая катехеза [64]
 Благоговение перед Евхаристией [65]

Поклонение Святым Дарам и евхаристическое благочестие

Внутренняя связь между богослужением и поклонением Святым Дарам [66]
 Практика поклонения Святым Дарам [67]
 Формы евхаристического благочестия [68]
 Место дарохранительницы в Церкви [69]

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ:

ЕВХАРИСТИЯ – ТАЙНА, КОТОРОЙ ЖИВУТ

Евхаристическая форма христианской жизни

Духовный культ (*logiké latreía*) (Рим 12. 1) [70]
 Всеохватная действенность евхаристического культа [71]
 «*luxta dominicam viventes*» [72]
 Воскресная обязанность [73]
 Значение отдыха и труда [74]
 Воскресные собрания в отсутствие священника [75]
 Евхаристическая форма христианской жизни – принадлежность к Церкви [76]
 Духовность и евхаристическая культура [77]
 Евхаристия и евангелизация культур [78]
 Евхаристия и верные-миряне [79]
 Евхаристия и священническая духовность [80]

Евхаристия и посвященная Богу жизнь [81]
 Евхаристия и нравственное преобразование [82]
 Евхаристическое соответствие [83]

Евхаристия – Тайна, которую надлежит возвещать

Евхаристия и миссия [84]
 Евхаристия и свидетельство [85]
 Единственный Спаситель – Иисус Христос [86]
 Свобода культа [87]

Евхаристия – Тайна, которую надлежит предлагать миру

Евхаристия – Хлеб, преломляемый за жизнь мира [88]
 Социальные аспекты евхаристической Тайны [89]
 Пища истины и человеческая нужда [90]
 Социальное учение Церкви [91]
 Освящение мира и защита творения [92]
 Польза Евхаристического компендиума [93]
 Заключение [94]

ВВЕДЕНИЕ

1. Таинство любви^[1] – Пресвятая Евхаристия – есть дар самоотдачи Иисуса Христа, открывающий нам безграничную любовь Божию к каждому человеку. Это дивное Таинство являет ту «большую» любовь, которая привела Его к тому, чтобы «положить жизнь Свою за друзей Своих» (ср. Ин 15, 13). Воистину, Иисус возлюбил их «до конца» (Ин 13, 1). Этими словами Евангелист вводит в то деяние бесконечного смирения, которое совершил Иисус: прежде чем умереть за нас на кресте, Он препоясывается полотенцем и оmyвает ноги Своим ученикам. Таким же образом в Таинстве Евхаристии Иисус продолжает любить нас «до конца», вплоть до дарования нам Своего Тела и Своей Крови. Какое потрясение должны были испытать сердца апостолов, ставших свидетелями того, что сказал и сделал Господь на той Вечере! Какое восхищение должна вызывать Тайна Евхаристии в наших сердцах!

Пища истины

2. В Таинстве алтаря Господь приходит к человеку, сотворенному по образу и подобию Божию (ср. Быт 1, 28), и становится его спутником. В этом Таинстве Господь поистине

соделывается пищей для человека, испытывающего голод истины и свободы. Поскольку только истина способна сделать нас свободными (ср. Ин 8, 32), Христос становится для нас пищей истины. С глубоким пониманием человеческого естества святой Августин обратил внимание на то, как человек действует по собственной воле, а не по принуждению, когда встречает что-то привлекательное и желанное. Спрашивая себя, чем же может быть так внутренне движим человек, святой епископ отвечает: «Чего ищет душа более всего, если не истины?»^[2] Действительно, в каждом человеке есть неугасимая жажда окончательной и определенной истины. Господь Иисус – «путь, и истина, и жизнь» (Ин 14, 6) – обращается к жаждущим сердцам людей, истомившимся в странствии, к сердцам, ищущим источника жизни, к сердцам, алчущим Истины. Иисус Христос есть Истина, ставшая Личностью и привлекающая мир к Себе: «Иисус – путеводная звезда человеческой свободы: без Него свобода теряет свой ориентир, ибо без знания истины свобода лишена основания, обособляется и становится пустым капризом. С Ним свобода обретает себя»^[3]. В Таинстве Евхаристии Иисус показывает нам, в частности, *истину о любви*, являющейся самой сущностью Бога. Именно эта евангельская истина затрагивает всех людей и каждого человека. Поэтому Церковь, обретающая в Евхаристии самое средоточие своей жизни, постоянно проявляет заботу о том, чтобы возвещать всем, *вовремя и не вовремя* (ср. 2 Тим 4, 2), что Бог есть любовь^[4]. Поскольку Христос сделался для нас пищей истины, Церковь обращается к каждому человеку, приглашая его свободно принять дар Божий.

Развитие евхаристического обряда

3. Взирая на двухтысячелетнюю историю Церкви, ведомой мудрым действием Святого Духа, мы с благодарностью восхищаемся веками упорядоченным развитием тех обрядовых форм, в которых мы совершаем воспоминание события нашего спасения. Начиная с многочисленных форм, принадлежащих первым векам, по-прежнему сияющих в обрядах древних Церквей Востока, вплоть до распространения римского обряда, от ясных указаний Тридентского Собора и Миссала св. Пия V до того литургического обновления, которого возжелал II Ватиканский Собор, – на каждом этапе истории Церкви евхаристическое богослужение как источник и вершина жизни и миссии Церкви блистало всем своим многообразным богатством в литургическом обряде. XI Ординарная генеральная ассамблея Синода Епископов, проходившая со 2 по 23 октября 2005 г. в Ватикане, выразила в связи с этой историей глубокое благодарение Богу, признавая деятельное водительство Святого Духа. Отцы Синода, в частности, констатировали и подтвердили то благотворное влияние, которое имела для жизни Церкви литургическая реформа, начатая Вселенским II Ватиканским Собором^[5]. Синод Епископов смог оценить послесоборное восприятие этой реформы. Было чрезвычайно много одобрительных оценок. Трудности, а также некоторые отмеченные злоупотребления, не могут, как утверждалось, затмить того, что литургическое обновление, содержащее в себе еще не полностью исчерпанные богатства, является благим и действенным. Конкретно речь идет о том, чтобы понимать те изменения, которых хотел Собор, в контексте единства, свойственного историческому развитию самого обряда,

без внесения в него искусственных разрывов[6].

Синод Епископов и Год Евхаристии

4. Кроме того, важно отметить связь между недавним Синодом Епископов, посвященным Евхаристии, и тем, что происходило в последние годы в жизни Церкви. Прежде всего, мы должны обратить свои мысли к Великому Юбилею 2000 года, посредством которого мой возлюбленный Предшественник Слуга Божий Иоанн Павел II ввел Церковь в Третье тысячелетие. Юбилейный год, вне всякого сомнения, был отмечен глубоко евхаристическим смыслом. Нельзя также забывать того, что Синод Епископов предварялся и в каком-то смысле был подготовлен Годом Евхаристии, которого с такой прозорливостью желал Иоанн Павел II для всей Церкви. Этот период, начавшийся с Международного евхаристического конгресса в Гвадалахаре в октябре 2004 г., завершился 23 октября 2005 г., в конце XI Ассамблеи Синода, канонизацией пяти блаженных, которых особым образом отличало евхаристическое благочестие: епископа Юзефа Бильчевского, священников Гаэтано Катанозо, Зигмунта Гораздовского и Альберто Уртадо Кручаги, а также монаха-капуцина Феличе да Никозиа. Благодаря наставлениям, преподанным Иоанном Павлом II в апостольском послании *Mane Nobiscum Domine*[7] и ценным предложениям Конгрегации богослужения и таинств[8], епархиями и различными церковными институтами были предприняты многочисленные инициативы в целях пробудить и взрастить в верных евхаристическую веру, усовершенствовать красоту богослужений, содействовать развитию поклонения Святым Дарам, а также поощрять деятельную солидарность, которая, начинаясь с Евхаристии, достигает самых нуждающихся. Наконец, необходимо отметить значение последней энциклики моего досточтимого Предшественника *Ecclesia de Eucharistia*[9], в которой он оставил нам надежное учительское основание касательно евхаристической доктрины и последнее свидетельство того, какое центральное место это Божественное Таинство занимало в его жизни.

Цель настоящего Обращения

5. Это послесинодальное апостольское обращение имеет своей целью резюмировать многообразное богатство размышлений и предложений на недавней Ординарной генеральной ассамблее Синода Епископов, – от *Lineamenta* [Проекта] до *Propositiones* [Предложений], через *Instrumentum laboris* [Рабочий документ], *Relationes ante et post disceptationem* [Доклады до и после прений], выступления Отцов Синода, *auditores* [наблюдателей] и делегатов от Церквей-сестер, – в намерении развить некоторые основные линии, направленные на то, чтобы оживить в Церкви новый евхаристический подъем и евхаристический энтузиазм. Сознвая всю обширность доктринального и дисциплинарного богатства, накопившегося в течение веков в связи с этим Таинством[10], я хочу данным документом, в соответствии с пожеланиями Отцов Синода[11], поощрить христианский народ к углублению понимания связи между *евхаристической Тайной*,

священнодействием и новым духовным культом, проистекающим из Евхаристии как *Таинства любви*. Ввиду этого я желаю поставить это Обращение в один ряд с моей первой энцикликой *Deus Caritas est*, в которой я часто упоминал Таинство Евхаристии и подчеркивал его связь с христианской любовью и к Богу, и к ближнему: «Воплотившийся Бог привлекает всех нас к Себе. Из этого мы можем понять, как слово *агапе* стало также термином для обозначения Евхаристии: в ней *агапе* Самого Бога приходит к нам плотски, чтобы продолжать Его дело в нас и через нас»^[12].

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ:

ЕВХАРИСТИЯ – ТАЙНА, В КОТОРУЮ ВЕРЮТ

«Вот дело Божие, чтобы вы веровали в Того, Кого Он послал» (Ин 6, 29)

Евхаристическая вера Церкви

6. «*Велика тайна веры!*» Этим словосочетанием, произносимым непосредственно после слов освящения Даров, священник провозглашает празднуемую тайну и выражает свое изумление перед субстанциальным преложением хлеба и вина в Тело и Кровь Господа Иисуса, превосходящим всякое человеческое разумение. Евхаристия – это поистине «Тайна веры» в полном смысле слова: она «есть краткое содержание и сумма нашей веры»^[13]. Вера Церкви, по существу евхаристическая, особым образом питаема евхаристической Трапезой. Вера и таинства – два взаимодополняющих аспекта церковной жизни. Пробужденная возвещением слова Божия, вера питается и возрастает в благодатной встрече с воскресшим Господом, осуществляющейся в таинствах: «Вера выражается в обряде, и обряд усиливает и укрепляет веру»^[14]. Поэтому Таинство алтаря всегда остается средоточием церковной жизни: «Благодаря Евхаристии Церковь непрестанно рождается вновь и вновь»^[15]. Чем живее в народе Божиим евхаристическая вера, тем глубже его участие в церковной жизни посредством убежденного содействия той миссии, которую Христос доверил Своим ученикам. Об этом свидетельствует сама история Церкви. Всякая великая реформа некоторым образом связана с новым открытием веры в евхаристическое присутствие Господа среди Его народа.

Пресвятая Троица и Евхаристия

Хлеб, сшедший с небес

7. Основное содержание евхаристической веры составляет тайна Самого Бога – тринитарная любовь. В беседе Иисуса с Никодимом мы находим выражение, в котором нам

это поясняется: «Так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную. Ибо не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был чрез Него» (Ин 3, 16-17). Эти слова показывают глубочайший корень дара Божия. Иисус в Евхаристии дарует не «что-то», но Самого Себя; Он дает в дар Свое Тело и проливает Свою Кровь. Таким образом Он дарует Свое всецелое существо, открывая первичный источник этой любви. Он – предвечный Сын, отданный Отцом за нас. В Евангелии мы также слышим, как Иисус, после насыщения толпы посредством умножения хлебов и рыб говорит Своим собеседникам, последовавшим за Ним в Капернаумскую синагогу: «Отец Мой дает вам истинный хлеб с небес. Ибо хлеб Божий есть тот, который сходит с небес и дает жизнь миру» (Ин 6, 32-33). И в продолжение Он отождествляет Себя – Свою плоть и Свою кровь – с этим хлебом: «Я хлеб живой, сшедший с небес; ядущий хлеб сей будет жить вовек; хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира» (Ин 6, 51). Так Иисус открывает Себя как хлеб жизни, который вечный Отец дарует людям.

Свободный дар Пресвятой Троицы

8. В Евхаристии открывается замысел любви, направляющий всю историю (ср. Еф 1, 10; 3, 8-11). В ней *Deus Trinitas* [Бог-Троица], который Сам по Себе есть любовь (ср. 1 Ин 4, 7-8), полностью входит в наше человеческое состояние. В хлебе и вине, под видами которых Христос дарует Себя нам на пасхальной трапезе (ср. Лк 22, 14-20; 1 Кор 11, 23-26), в форме Таинства всецелая Божественная жизнь приходит к нам и приобщается нам. Бог есть совершенное общение любви между Отцом, Сыном и Святым Духом. Уже при сотворении мира человек призван быть в известной мере причастным животворному дыханию Бога (ср. Быт 2, 7). Но именно в умершем и воскресшем Христе и в ниспослании Святого Духа, данного не мерою (ср. Ин 3, 34), мы делаемся общниками самой глубины Бога [16]. Иисус Христос, «Который Духом Святым принес Себя, непорочного, Богу» (Евр 9, 14), приобщает нас в евхаристическом дару самой Божественной жизни. Речь идет об абсолютно безвозмездном дару, который является лишь исполнением обетований Божиих, совершившихся сверх всякой меры. В верном послушании Церковь принимает этот дар, празднует его и поклоняется ему. «Тайна веры» – это тайна тринитарной любви, в которой мы по благодати призваны участвовать. Мы же должны вместе со св. Августином воскликнуть: «Если ты видишь любовь, ты видишь Троицу» [17].

Евхаристия: Иисус – истинный жертвенный Агнец

Новый и вечный завет в крови Агнца

9. Миссия, ради которой Иисус пришел к нам, находит свое исполнение в Пасхальной тайне. С высоты креста, откуда Иисус призывает всех людей к Себе (ср. Ин 12, 32), Он, перед тем как «испустить дух», говорит: «Совершилось» (Ин 19, 30). В тайне Его послушания даже до

смерти, и смерти крестной (ср. Фил 2, 8), совершился новый и вечный завет. В Его распятой плоти свобода Бога и свобода человека окончательно встретились в нерасторжимом союзе, действительном навеки. И грех человека был раз и навсегда искуплен Сыном Божиим (ср. Евр 7, 27; 1 Ин 2, 2; 4, 10). Как я уже имел возможность утверждать, «в Его смерти на кресте совершается то обращение Бога против Самого Себя, в котором Он жертвует Собой, чтобы возвысить человека и спасти его, – это любовь в ее самой радикальной форме»^[18]. В Пасхальной тайне действительно осуществилось наше освобождение от зла и смерти. Во время установления Евхаристии Иисус Сам говорил о «новом и вечном завете», заключенном в пролитой Им крови (ср. Мф 26, 28; Мк 14, 24; Лк 22, 20). Эта конечная цель Его миссии была очевидна уже в начале Его общественной жизни. И в самом деле, когда на берегах Иордана Иоанн Креститель видит приходящего к нему Иисуса, он восклицает: «Вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира» (Ин 1, 29). Знаменательно, что то же самое речение появляется вновь всякий раз, когда мы совершаем Мессу, в призыве священника приблизиться к алтарю для причащения: «Вот *Агнец Божий*, берущий на Себя грехи мира. Блаженны званные на вечерю Агнца». Иисус есть *истинный* пасхальный Агнец, Который добровольно отдает Себя в жертву за нас, осуществляя таким образом новый и вечный завет. Евхаристия содержит в себе эту радикальную новизну, представляемую нам вновь всякий раз, когда совершается это Таинство^[19].

Установление Евхаристии

10. Итак, мы подходим к размышлению над установлением Евхаристии на Тайной Вечере. Оно происходит в контексте ритуальной трапезы, которая представляла собой воспоминание события, основополагающего для народа Израилева, – освобождения из египетского рабства. Эта ритуальная трапеза, связанная с жертвоприношением агнцев (ср. Исх 12, 1-28; 43-51), была воспоминанием о прошлом, но воспоминанием также и пророческим, то есть возвещавшим грядущее освобождение. И в самом деле, народ ощущал, что то прежнее освобождение не стало окончательным, поскольку его история была по-прежнему слишком сильно ознаменована рабством и грехом. Таким образом, воспоминание древнего освобождения раскрывалось как прошение и ожидание более глубокого, радикального, универсального и окончательного спасения. Именно в этот контекст вводит Иисус новизну Своего дара. В молитве хвалы, именуемой *Бераха*, Он благодарит Отца не только за события минувшей истории, но и за то, что Тот Его «превознес». Устанавливая Таинство Евхаристии, Иисус предваряет им жертву креста и победу воскресения и включает их в него. В то же время Он открывает Себя как *истинного* жертвенного агнца, предназначенного в замысле Отца еще прежде создания мира, как мы читаем в Первом послании Петра (ср. 1, 18-20). Помещая дарование Себя в подобный контекст, Иисус делает ясным спасительный смысл Своей смерти и Своего воскресения – тайны, которая становится таким образом реальностью, обновляющей историю и всю вселенную. Установление Евхаристии поистине показывает, что эта смерть, сама по себе насильственная и бессмысленная, сделалась в Иисусе наивысшим актом любви, а для

человечества – окончательным освобождением от зла.

Figura transit in veritatem

11. Таким образом, Иисус вводит свое радикальное *novum*[новое] в древнюю жертвенную трапезу евреев. Для нас, христиан, нет больше необходимости повторять эту трапезу. Как справедливо говорят Отцы, *figura transit in veritatem* [образ переходит в истину]: то, что возвещало грядущие реалии, отныне уступило место самой истине. Древний ритуал исполнен и окончательно превзойден даром любви воплотившегося Сына Божия. Пища истины – Христос, принесенный за нас в жертву, *dat figuris terminum* [полагает предел образам][20]. Своей заповедью «Сие творите в Мое воспоминание» (Лк 22, 19; 1 Кор 11, 25) Он призывает нас соответствовать Его дару и представлять его сакраментально. Этими словами Господь выражает, так сказать, желание, чтобы Его Церковь, рожденная из Его жертвы, приняла этот дар, развивая под водительством Святого Духа литургические формы Таинства. Действительно, воспоминание Его совершенного дара состоит не в простом повторении Тайной Вечери, но именно в Евхаристии, то есть в радикальной новизне христианского культа. Так Иисус поручает нам миссию вхождения в Его «час». «Евхаристия вовлекает нас в жертву Иисуса. В ней мы не только статически принимаем воплощенный Логос, но также включаемся в динамику Его приношения»[21]. Он «вовлекает нас в Себя»[22]. Субстанциальное преложение хлеба и вина в Его Тело и Его Кровь привносит в творение начало глубинного изменения, своего рода «расщепление ядра», – если использовать хорошо известный образ, – проникающего до самых глубин бытия; изменения, направленного на то, чтобы вызвать процесс преобразования действительности, окончательной целью которого оказывается преображение всего мира вплоть до того состояния, когда Бог будет всё во всем (ср. 1 Кор 15, 28).

Святой Дух и Евхаристия

Иисус и Святой Дух

12. Своим словом, а также хлебом и вином Сам Господь даровал нам важнейшие элементы Своего нового культа. Церковь, Его Невеста, призвана праздновать изо дня в день евхаристический пир в Его воспоминание. Так она вписывает искупительную жертву в историю людей и сакраментально осуществляет ее присутствие во всех культурах. Эта великая Тайна совершается в тех литургических формах, которые Церковь под водительством Святого Духа развивает во времени и в пространстве[23]. В этой связи нам нужно пробудить в себе осознание той решающей роли, которая принадлежит Святому Духу в развитии литургической формы и в углублении нашего разумения Божественных тайн. Параклит, первый дар верующим[24], действующий уже при сотворении мира (ср. Быт 1, 2), полностью присутствует во всем бытии воплощенного Слова: действительно, Иисус Христос зачат Девой Марией от Духа Святого (ср. Мф 1, 18; Лк 1, 35); в начале Своего

общественного служения на берегах Иордана Иисус видит Святого Духа, сходящего на Него в виде голубя (ср. Мф 3, 16 и паралл.); Тем же Духом Он действует, говорит и ликует (ср. Лк 10, 21); и именно в Нем Иисус может принести Себя в жертву (ср. Евр 9, 14). В так называемой «Прощальной беседе», переданной Иоанном, Иисус явственно связывает дарование Своей жизни в Пасхальной тайне с дарованием Духа Своим ученикам (ср. Ин 16, 7). По воскресении Он, нося в Своей плоти знаки Своих страданий, может дуновением излить Духа (ср. Ин 20, 22), приобщая Своих учеников к Своей собственной миссии (ср. Ин 20, 21). А затем Дух научит их всему и напомнит им всё, что говорил им Иисус (ср. Ин 14, 26), потому что именно Ему как Духу Истины (ср. Ин 15, 26) подобает наставить их на всякую истину (ср. Ин 16, 13). В *Деяниях* Дух в день Пятидесятницы нисходит на апостолов, соединенных в молитве с Марией (ср. Деян 2, 1-4), и преисполняет их силою ввиду предстоящей им миссии возвещать Благую Весть всем народам. И именно силою действия Святого Духа Сам Христос присутствует и действует в Своей Церкви, начиная со средоточия ее жизни – Евхаристии.

Святой Дух и евхаристическое священнодействие

13. В этой перспективе становится понятной решающая роль Святого Духа в евхаристическом священнодействии, в частности, в связи с пресуществлением. Отцы Церкви очень ясно это осознавали. В своих *Поучениях* св. Кирилл Иерусалимский напоминает, что мы «призываем милостивого Бога, чтобы Он ниспослал Святого Духа на предложенные дары, дабы Тот соделал хлеб Телом Христа, а вино – Кровью Христа. Ибо всё, чего касается Дух, всецело освящается и претворяется»^[25]. Св. Иоанн Златоуст также подчеркивает, что священник призывает Святого Духа, когда совершает Жертву^[26]: подобно Илии, – говорит он, – служителю призывает Духа Святого, чтобы, «когда благодать сойдет на жертву, души всех воспламенились ею»^[27]. Очень важно для духовной жизни верных более ясное понимание богатства анафоры: наряду со словами, произнесенными Христом на Тайной Вечере, она содержит эпиклесис, который является призыванием, обращенным к Отцу, чтобы Он ниспослал дар Духа, дабы хлеб и вино стали Телом и Кровью Иисуса Христа и «вся община всё более становилась Телом Христовым»^[28]. Дух, призываемый предстоятелем на предложение хлеба и вина, находящееся на алтаре, – Тот же, Который собирает верных «в единое тело», делая их духовной жертвой, благоугодной Отцу^[29].

Евхаристия и Церковь

Евхаристия – каузальный принцип Церкви

14. Через Таинство Евхаристии Иисус вводит верных в Свой «час»; так Он показывает нам ту связь, которую Он возжелал установить между Ним и нами, между Его личностью и Церковью. Действительно, Сам Христос в жертве креста породил Церковь как Свою

Невесту и Свое Тело. Отцы Церкви много размышляли над связью между происхождением Евы из бока спящего Адама (ср. Быт 2, 21-23) и происхождением новой Евы – Церкви – из бока Христа, погрузившегося в сон смерти: из Его пронзенного бока, как повествует Иоанн, истекли кровь и вода (ср. Ин 19, 34), символ таинств[30]. Созерцательный взгляд на «Того, Которого пронзили» (ср. Ин 19, 37), ведет нас к обнаружению каузальной связи между жертвой Христа, Евхаристией и Церковью. Церковь поистине «Евхаристией живет»[31]. Поскольку в ней осуществляется присутствие искупительной жертвы Христа, следует, прежде всего, признать, что «в основе самого происхождения Церкви лежит каузальное влияние Евхаристии»[32]. Евхаристия есть Христос, дарующий Себя нам и таким образом постоянно созидающий нас как Свое Тело. Соответственно, во впечатляющем взаимодействии между Евхаристией, созидающей Церковь, и самой Церковью, совершающей Евхаристию[33], первопричиной является то, что выражено в утверждении: Церковь может совершать тайну Христа, присутствующего в Евхаристии, и поклоняться ей именно потому, что Сам Христос первым отдал Себя Церкви в жертве креста. То, что Церковь может «творить» Евхаристию, полностью основывается на даровании ей Христом Самого Себя. Мы находим здесь также один убедительный аспект речения Иоанна: «Он прежде возлюбил нас» (1 Ин 4, 19). Так и при каждом совершении Евхаристии мы признаем первенство дара Христа. Каузальное влияние Евхаристии на происхождение Церкви определенно объясняет не только хронологическое, но и онтологическое предшествование Его любви, которой Он нас «возлюбил прежде». Он навеки Тот, Кто нас любит прежде.

Евхаристия и церковное общение

15. Итак, Евхаристия является основополагающей для бытия и действия Церкви. Вот почему в христианской древности тело, родившееся от Девы Марии, евхаристическое Тело и церковное Тело Христово обозначались одним и тем же словосочетанием *Corpus Christi*[34]. Эта данность, твердо присутствующая в Предании, помогает тому, чтобы в нас возросло осознание нераздельности Христа и Церкви. Господь наш Иисус, отдавая Себя в жертву за нас, в Своем даре действенным образом предвозвестил тайну Церкви. Знаменательно, что II Евхаристическая молитва, призывая Параклита, такими словами высказывает моление о единстве Церкви: «чтобы Дух Святой объединил нас, принимающих Тело и Кровь Христа». Из этого текста хорошо понятно, что *res*Таинства Евхаристии есть единство верных в церковном общении. Евхаристия, таким образом, являет себя нам в истоках Церкви как Таинство общения[35].

Слуга Божий Иоанн Павел II в своей энциклике *Ecclesia de Eucharistia* уже обратил внимание на связь между Евхаристией и *Communio* [Общением]. Он говорил о воспоминании Христа как о «высшем сакраментальном проявлении общения в Церкви»[36]. Единство церковного общения конкретно открывается в христианских общинах и обновляется в евхаристическом действии, которое их объединяет и разнообразит в отдельных Церквях, «*in quibus et ex quibus una et unica Ecclesia catholica existit*» [в которых

и из которых состоит единая и единственная Вселенская Церковь»[37]. Именно реальность одной Евхаристии, совершаемой в каждой епархии вокруг ее собственного епископа, делает нам понятным то, каким образом *in [в]* и *ex Ecclesia* [из Церкви] состоят отдельные Церкви. Действительно, «единство и неразделимость евхаристического Тела Господа предполагает единство Его Мистического Тела, которое есть единая и неразделимая Церковь. Именно Евхаристия составляет средоточие и источник, из которого необходимым образом открывается всякая община каждой отдельной Церкви: давая вовлечь себя в открытые объятия Господа, она включается в Его единое и нераздельное Тело»[38]. Поэтому при совершении Евхаристии каждый верный оказывается в *своей* Церкви, то есть в Церкви Христовой. В такой евхаристической перспективе, при подобающем понимании, церковное общение оказывается по природе своей кафолической реальностью[39]. Обращая особое внимание на это евхаристическое основание церковного общения, можно также действительно способствовать экуменическому диалогу с Церквями и церковными Общинами, которые не находятся в полном общении с Кафедрой св. Петра. Действительно, Евхаристия объективно устанавливает связь прочного единства между Католической Церковью и Православными Церквями, сохранившими подлинную и целостную природу евхаристической Тайны. В то же время подчеркивание церковного характера Евхаристии может также стать предпочтительным элементом в диалоге с церковными Общинами, возникшими вследствие Реформации[40].

Евхаристия и таинства

Сакраментальность Церкви

16. II Ватиканский Собор напомнил, что «все таинства, равно как и все церковные служения и труды апостольства, тесно связаны со святой Евхаристией и к ней направлены. Ведь в Святейшей Евхаристии содержится всё духовное благо Церкви, то есть Сам Христос, Пасха наша и Хлеб живой, через Плоть Свою, Святым Духом оживотворенную и животворящую, подающий жизнь людям, которые таким образом призываются и побуждаются в единении с Ним приносить в жертву самих себя, свой труд и всё тварное»[41]. Такая тесная связь Евхаристии с другими таинствами и с христианской жизнью осознается во всей ее глубине при созерцании тайны самой Церкви как таинства[42]. Ввиду этого II Ватиканский Собор утверждает, что «Церковь составляет во Христе своего рода таинство – то есть знамение и орудие – глубокого единения с Богом и единства всего рода человеческого»[43]. По словам св. Киприана, она как «народ, соединенный единством Отца, и Сына, и Святого Духа»[44], является таинством тринитарного общения.

Тот факт, что Церковь есть «всеобщее таинство спасения»[45], показывает, как сакраментальное домостроительство окончательно определяет способ, которым Христос, единственный Спаситель, через Святого Духа достигает нашей жизни в свойственных ей обстоятельствах. Церковь *принимается* и в то же время *проявляется* в семи таинствах,

посредством которых благодать Божия конкретным образом влияет на бытие верующих, чтобы вся их жизнь, искупленная Христом, становилась культом, благоугодным Богу. Ввиду этого я желаю подчеркнуть некоторые выявленные Отцами Синода элементы, помогающие понять связь всех таинств с евхаристической Тайной.

I. Евхаристия и христианское посвящение

Евхаристия – полнота христианского посвящения

17. Если Евхаристия является источником и вершиной жизни и миссии Церкви, из этого, прежде всего, следует, что путь христианского посвящения ориентирован на то, чтобы обеспечить доступ к этому Таинству. Как говорили Отцы Синода, мы должны в этой связи задаться вопросом, в достаточной ли мере в наших христианских общинах осознается связь между крещением, миропомазанием и Евхаристией[46]. Никогда не следует забывать, что именно ввиду Евхаристии мы принимаем крещение и миропомазание. Это обстоятельство предполагает более целостное осознание в пастырской практике всей последовательности христианского посвящения. Таинство крещения, в котором мы сообразуемся Христу[47], будучи введены в Церковь и став детьми Божиими, представляет собой дверь, ведущую ко всем таинствам. Ею мы вводимся в одно Тело Христово (ср. 1 Кор 12, 13), в народ священнический. В то же время, именно участие в евхаристической Жертве совершенствует в нас то, что было дано в Крещении. Также и дары Духа подаются для созидания Тела Христова (1 Кор 12) и для большего евангельского свидетельства в мире[48]. Поэтому Пресвятая Евхаристия ведет христианское посвящение к его полноте и оказывается центром и целью всей сакраментальной жизни[49].

Порядок таинств христианского посвящения

18. В этом контексте необходимо уделить внимание теме порядка таинств посвящения. В Церкви существуют различные традиции. Подобное разнообразие проявляется с очевидностью в церковных традициях Востока[50], равно как и в западной практике в том, что касается посвящения взрослых[51] в сравнении с посвящением детей[52]. Тем не менее, эти различия не имеют собственно догматического свойства, а обусловлены причинами пастырского характера. Нужно конкретно уяснить, какая практика может в действительности лучше помогать тому, чтобы Таинство Евхаристии занимало у верных центральное место как реальность, к которой устремлено всё посвящение. В тесном сотрудничестве с компетентными ведомствами Римской Курии Епископские Конференции пусть удостоверятся в действенности бытующей на сей день последовательности посвящения, чтобы посредством воспитательной деятельности в наших общинах христианин получал всё большую помощь на своем пути к зрелости и, достигая принятия в своей жизни

подлинно евхаристического основания, становился способным дать отчет в своем уповании тем образом, который соответствует нашему времени (ср. 1 Петр 3, 15).

Посвящение, христианская община и семья

19. Надо всегда помнить о том, что всё христианское посвящение – это путь обращения, который надлежит проходить с помощью Божией и вместе с церковной общиной, будь то когда взрослый просит о вхождении в Церковь, как это случается в условиях первой евангелизации либо в многочисленных секуляризованных регионах, так и когда родители просят о таинствах для своих детей. В связи с этим я хочу обратить особое внимание на связь между христианским посвящением и семьей. В пастырской деятельности следует всегда делать христианскую семью участницей процесса посвящения. Принятие крещения, миропомазания и первого причастия – это решающие моменты не только для принимающей их личности, но и для всей семьи, которую в исполнении ею воспитательной задачи должна поддерживать церковная община в лице различных своих составляющих[53]. Мне хотелось бы здесь подчеркнуть значение первого причастия. Для очень многих верующих этот день остается запечатленным по-настоящему глубоко в памяти как тот первый момент, в который, пусть только на начальном уровне, они ощутили важность личной встречи с Иисусом. Пастырское попечение в приходах о столь значительных ситуациях должно быть подобающим.

II. Евхаристия и таинство примирения

Их внутренняя связь

20. Отцы Синода справедливо утверждали, что любовь к Евхаристии ведет к тому, чтобы всё больше и больше ценить таинство примирения[54]. По причине связи между этими таинствами подлинная катехеза о смысле Евхаристии не может быть отделена от поощрения к пути покаяния (ср. 1 Кор 11, 27-29). Мы с уверенностью констатируем, что в наше время верующие оказываются погружены в культуру, стремящуюся сгладить чувство греха[55] и способствующую поверхностному подходу, который ведет к забвению необходимости пребывания в благодати Божией для достойного причащения[56]. В действительности утрата сознания греха влечет за собой и поверхностное понимание самой любви Божией. Очень важно напоминать верующим элементы, выражающие в обряде святой Мессы осознание ими своей греховности, равно как и милосердия Божия[57]. Кроме того, взаимосвязь между Евхаристией и таинством примирения напоминает нам о том, что грех никогда не является исключительно индивидуальной реальностью; он всегда предполагает поврежденность внутри церковной общины, в которую мы включены благодаря крещению. Поэтому примирение есть *laboriosus quidam baptismus*[некое крещение многотрудное][58], как говорили Отцы Церкви, подчеркивая таким образом, что итогом пути покаяния является восстановление полного церковного общения, которое

проявляется в возможности вновь приступать к Евхаристии[59].

Некоторые пастырские проблемы

21. Синод напомнил, что пастырской обязанностью епископа должно быть развитие в его епархии решительного устремления к оживлению такого воспитания обращения, которое рождается из Евхаристии и поощряет верных к частой исповеди. Все священники пусть щедро, деятельно и компетентно посвящают себя преподанию таинства примирения[60]. В этой связи следует обращать внимание на то, чтобы исповедальни в наших церквях были по своему местоположению хорошо заметны и явственно выражали значение этого таинства. Я прошу пастырей с бдительным вниманием относиться к совершению таинства примирения, ограничивая практику общего отпущения грехов только предусмотренными случаями[61], чтобы индивидуальная исповедь была обычной его формой[62]. Ввиду необходимости нового открытия сакраментального прощения в каждой епархии следует всегда иметь *пенитенциария*[63]. Наконец, с новым осознанием взаимосвязи между Евхаристией и примирением ценную помощь может оказать уравновешенная и мудрая практика *индульгенций*, получаемых как для себя, так и для усопших. Посредством индульгенций получают «отпущение перед Богом временной кары за грехи, вина за которые уже изглажена»[64]. Использование индульгенций помогает нам понять, что мы неспособны лишь нашими собственными силами исправить совершённое зло и что грехи каждого наносят урон всей общине. Кроме того, практика индульгенций, предполагающая не только учение о безграничных заслугах Христа, но и доктрину об общении святых, говорит нам о том, «насколько тесно связаны мы во Христе друг с другом и насколько сверхъестественная жизнь каждого может служить другим»[65]. Поскольку сама форма индульгенций предусматривает среди прочих условий, что получающий их приступает к исповеди и к причащению, их практика способна действительно поддерживать верных на пути обращения и открытия центрального значения Евхаристии в христианской жизни.

III. Евхаристия и елеопомазание больных

22. Иисус не только послал Своих учеников исцелять больных (ср. Мф 10, 8; Лк 9, 2; 10, 9), но и установил для последних особое таинство – елеопомазание больных[66]. *Послание к Иакову* свидетельствует о существовании этого сакраментального действия уже в первой христианской общине (ср. Иак 5, 14-16). Если Евхаристия показывает, что страдания и смерть Иисуса были преображены в любовь, то елеопомазание больных, со своей стороны, соединяет страдающего с Христовой самоотдачей за спасение всех, чтобы и он мог благодаря тайне общения святых участвовать в искуплении мира. Связь между этими двумя таинствами проявляется также перед лицом усиления болезни: «Тем, кому предстоит оставить эту жизнь, Церковь предлагает, помимо елеопомазания больных, Евхаристию как напутствие»[67]. В переходе к Отцу причащение Тела и Крови Христа являет себя как семя вечной жизни и сила воскресения: «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь

вечную, и Я воскрешу его в последний день» (Ин 6, 54). Поскольку святое напутствие открывает больному полноту Пасхальной тайны, необходимо обеспечивать его преподание практически[68]. Внимание и пастырская забота о тех, кто болен, является надежным источником духовной пользы для всей общины, ибо мы знаем: всё, что мы сделали одному из меньших братьев, сделали Самому Иисусу (ср. Мф 25, 40).

IV. Евхаристия и таинство священства

In persona Christi capitis

23. Глубинная связь между Евхаристией и таинством священства проистекает из самих слов Иисуса в Иерусалимской горнице: «Сие творите в Мое воспоминание» (Лк 22, 19), - ведь Иисус накануне Своей смерти установил Евхаристию и, в то же время, основал *священство Нового Завета*. Он есть священник, жертва и жертвенник – посредник между Богом Отцом и народом (ср. Евр 5, 5-10), жертва умилоствления (ср. 1 Ин 2, 2; 4, 10), принесшая себя на жертвеннике креста. Никто не может сказать «это есть Тело Мое» и «это есть чаша Крови Моей» иначе, нежели от имени и от лица Христа, единственного Первосвященника нового и вечного Завета (ср. Евр 8-9). В ходе других ассамблей Синод Епископов уже обсуждал тему служебного священства в связи с идентичностью служения[69], а также подготовкой кандидатов[70]. По этому случаю в свете диалога во время последней ассамблеи Синода хочу напомнить некоторые принципы, касающиеся взаимосвязи между таинствами Евхаристии и священства. Прежде всего нужно напомнить, что связь между *священством и Евхаристией* особенно очевидна на Божественной Литургии, где епископ или священник предстает *в лице Христа-Главы [in persona Christi capitis]*.

Учение Церкви называет пресвитерское рукоположение необходимым условием для действительного совершения Евхаристии[71]. В самом деле, «в церковном служении рукоположенного священника Сам Христос присутствует в Своей Церкви как Глава Тела, Пастырь стада, Первосвященник искупительного жертвоприношения»[72]. Несомненно, рукоположенный служителем «действует также от имени всей Церкви, предстоит перед Богом в молитве Церкви и, в особенности, совершая евхаристическую Жертву»[73]. Поэтому священникам нужно осознавать, что в их служении они всегда должны ставить на первый план не самих себя и свои мнения, но Иисуса Христа. Всякое стремление сделать себя протагонистом священнодействия противоречит самой сущности священства. Священник есть прежде всего слуга и должен быть знаком, указывающим на Христа, при этом сам являясь послушным орудием в Его руках. Это выражается и в том смирении, с каким священник совершает богослужение, послушно исполняя чинопоследование, соответствующее ему и сердцем, и духом, избегая всего, что могло бы произвести впечатление неподобающего выставления себя на первый план. Поэтому я рекомендую духовенству постоянно углублять понимание своего евхаристического служения как служения ради

Христа и Его Церкви. Священство, как говорил св. Августин, есть *amoris officium*[служение любви][74], служение доброго пастыря, который отдает свою жизнь за овец (ср. Ин 10, 14-15).

Евхаристия и священнический целибат

24. Отцы Синода пожелали подчеркнуть, что служебное священство – через рукоположение – требует полного сообразования Христу. Отдавая дань уважения разнообразию практик и восточной традиции, уместно напомнить глубокий смысл священнического целибата, который справедливо считается неоценимым богатством и также находит свое подтверждение в восточной практике, где епископы избираются только из числа живущих в безбрачии, а также очень уважаются священники, добровольно выбравшие состояние целибата. В таком выборе поистине находит особое выражение та самоотдача, которая сообразует священника Христу, и исключительное самопожертвование ради Царства Божия[75]. Тот факт, что Сам Христос, Первосвященник вовек, осуществил Свою миссию, вплоть до жертвы крестной, в состоянии девства, является надежным ориентиром для понимания смысла традиции Латинской Церкви в этом вопросе. Поэтому недостаточно осмысливать священнический целибат в чисто функциональных понятиях. В действительности, он является особым сообразованием с формой жизни Самого Христа. Этот выбор имеет, прежде всего, брачный характер: это сообразование себя с сердцем Самого Христа-Жениха, Который отдает жизнь за Свою Невесту. В единстве с великой традицией Церкви, со II Ватиканским Собором[76] и с Верховными Понтификами, моими Предшественниками[77], я вновь подчеркиваю красоту и значение священнической жизни в безбрачии как знака, выражающего всецелое и исключительное дарование себя Христу, Церкви и Царству Божию, и подтверждаю его обязательный характер для латинской традиции. Священнический целибат, проживаемый в зрелости, радости и самоотверженности, есть великое благословение для Церкви и для самого общества.

Нехватка духовенства и пастырская забота о призваниях

25. Ввиду связи между таинством священства и Евхаристией Синод остановился на трудной ситуации, которая обнаруживается в различных епархиях, сталкивающихся с нехваткой священников. Это происходит не только в регионах первичной евангелизации, но также и во многих странах с длительной христианской традицией. Более справедливое распределение священников может определенно быть вкладом в разрешение этой проблемы. Поэтому необходима работа, требующая особо пристального внимания. Епископам следует подключать к решению пастырских нужд институты посвященной Богу жизни и новые церковные организации, проявляя уважение к их собственной харизме, и побуждать всех членов клира с большей готовностью служить Церкви там, где в этом есть нужда, даже ценою жертв[78]. С другой стороны, в ходе Синода обсуждалась также проблема пастырского внимания к тому, чтобы осуществлять поощрение, особенно среди юношей,

внутреннего раскрытия священнического призвания. Выход из подобной ситуации не может быть найден чисто прагматическими средствами. Следует избегать того, чтобы епископы, побуждаемые в силу недостатка священников хорошо понятными функциональными заботами, осуществляли неподобающее распознавание призваний и допускали к специальной подготовке и к рукоположению тех кандидатов, которые не обладают необходимыми для священнического служения качествами[79]. Клирик, который недостаточно подготовлен и допущен до рукоположения без подобающего распознавания, едва ли сможет предложить свидетельство, способное пробудить в других желание щедро ответить на призыв Христа. Пастырское попечение о призваниях должно поистине включать в себя всю христианскую общину во всей ее совокупности[80]. Очевидно, эта огромная пастырская работа предполагает также внимательное участие семей, которые зачастую равнодушны, если не открыто противостоят идее священнического призвания. Пусть они щедро открываются дару жизни и воспитывают своих детей, чтобы те были доступны для воли Божией. Короче говоря, нужно прежде всего иметь мужество предлагать молодым людям радикальную форму следования за Христом, показывая и привлекательность такого следования.

Благодарность и надежда

26. Наконец, надо иметь большую веру в Божественную инициативу и большую надежду на нее. Даже если в некоторых регионах отмечается нехватка священников, никогда не следует сомневаться в том, что Христос продолжает призывать людей, которые, оставляя всякую другую деятельность, всецело посвящают себя совершению святых Тайн, проповеданию Евангелия и пастырскому служению. В этой связи я хочу от всей Церкви выразить благодарность за епископов и священников, которые исполняют свою миссию с полной самоотдачей и истинным усердием. Естественно, эта благодарность относится и к диаконам, которые рукоположены «не для священства, но для служения»[81]. Как рекомендовала Ассамблея Синода, я обращаюсь с особой признательностью к священникам *Fidei donum*, которые с компетентностью и щедрой отдачей созидают общину, возвещая ей слово Божие и преломляя Хлеб жизни, не щадя своих сил в служении миссии Церкви[82]. Нужно благодарить Бога за многих священников, которые претерпели страдания вплоть до принесения в жертву собственной жизни ради служения Христу. В них красноречивыми фактами явлено, что значит быть священником до конца. Это волнующее свидетельство способно вдохновлять многих молодых людей в свою очередь следовать за Христом и отдавать свою жизнь за других, находя таким образом истинный путь.

V. Евхаристия и брак

Евхаристия – брачное Таинство

27. Евхаристия – Таинство любви – демонстрирует свою особую связь с любовью между мужчиной и женщиной, соединенных в браке. Углублять эту связь – насущная потребность

нашего времени[83]. Папа Иоанн Павел II много раз имел возможность подтверждать брачный характер Евхаристии и его особую связь с таинством брака: «Евхаристия есть Таинство нашего искупления. Она – Таинство Жениха и Невесты»[84]. Более того, «вся христианская жизнь носит отпечаток супружеской любви Христа и Церкви. Уже крещение, вхождение в народ Божий, есть брачная тайна: словно брачное омовение, предшествующее брачной вечере – Евхаристии»[85]. Евхаристия неистощимым образом укрепляет нерасторжимое единство и любовь в каждом христианском браке. В нем силою таинства супружеские узы имеют глубинную связь с евхаристическим единством между Женихом-Христом и Его Невестой – Церковью (ср. Еф 5, 31-32). Супружеское согласие, которое дают друг другу во Христе Жених и Невеста и которое делает их общиной жизни и любви, само по себе обладает евхаристическим измерением. Действительно, в богословии ап. Павла супружеская любовь является сакраментальным знаком любви Христа к Его Церкви – любви, которая достигает своей кульминации на кресте, оказывающемся выражением «брака» Христа с человечеством и, одновременно, источником и центром Таинства Евхаристии. Вот почему Церковь проявляет особенную духовную близость в отношении всех, чьи семьи основываются на таинстве брака[86]. Семья, домашняя Церковь[87], есть первичная ячейка жизни Церкви, в частности, в силу своей решающей роли в том, что касается воспитания детей[88]. В этом контексте Синод рекомендовал также признать особую миссию женщины в семье и в обществе – миссию, которую следует защищать, оберегать и поощрять[89]. То, что женщина является супругой и матерью, представляет собой неотъемлемую реальность, которую никогда не следует недооценивать.

Евхаристия и единственность брака

28. Именно в свете этой глубинной связи между браком, семьей и Евхаристией возможно рассматривать некоторые пастырские проблемы. Верная, нерасторжимая и исключительная связь, соединяющая Христа и Церковь и обнаруживающая свое сакраментальное выражение в Евхаристии, находится во взаимосвязи с той изначальной антропологической данностью, посредством которой мужчина может быть соединен окончательно лишь с одной-единственной женщиной, а она – с ним (ср. Быт 2, 24; Мф 19, 5). В таком идейном контексте Синод Епископов изучил тему пастырской практики, касающейся тех, кто, исходя из культур, где практикуется полигамия, слышит Благою Весть. Таким людям, открывающимся навстречу христианской вере, нужно оказывать помощь для интегрирования их человеческих намерений в радикальную новизну Христову. В процессе катехумената Христос встречает их, пребывающих в специфическом состоянии, и призывает к полной истине о любви, к которой они идут путем необходимых отказов, имея целью совершенное церковное общение. Церковь сопровождает их доброй и в то же время бескомпромиссной пастырской заботой[90], показывая им прежде всего тот свет, который, исходя от христианских тайн, отражается на природе и желаниях человека.

Евхаристия и нерасторжимость брака

29. Если Евхаристия выражает необратимость любви Божией во Христе к Его Церкви, то понятно, почему она предполагает, в связи с таинством брака, такую нерасторжимость, на какую непременно надеется всякая истинная любовь^[91]. Поэтому вполне оправдано пастырское внимание Синода к тем прискорбным ситуациям, в которых находится немало число верных, заключивших сакраментальный брак, но расторгнувшим этот союз и вступившим в новый. Речь идет о тернистой и сложной пастырской проблеме, о подлинной язве современного общества, которая с возрастающей силой затрагивает и среду католиков. Из любви к истине пастыри обязаны хорошо различать разнообразные ситуации, чтобы оказывать духовную помощь тем верным, которых это касается, наиболее подобающим образом^[92]. Синод Епископов подтвердил основанную на Священном Писании (ср. Мк 10, 2-12) практику Церкви, не допускающую к таинствам разведенных, вступивших в повторный брак, потому что их состояние и жизненные обстоятельства объективно противоречат союзу любви Христа и Церкви, который знаменуется и осуществляется в Евхаристии. Тем не менее, разведенные, вступившие в повторный брак, несмотря на свою ситуацию, продолжают принадлежать к Церкви, которая сопутствует им с особым вниманием, желая, чтобы они, насколько возможно, совершенствовали христианский образ жизни посредством участия в святой Мессе, но без причащения, посредством слушания слова Божия, поклонения Святым Дарам, участия в жизни общины, доверительного диалога со священником или духовным руководителем, посвящения себя деятельному милосердию, делам покаяния, а также воспитанию своих детей.

Там, где возникают законные сомнения в действительности заключенного прежде сакраментального брака, уместно предпринять всё необходимое для того, чтобы убедиться в их обоснованности. Следует также гарантировать – в полном уважении к каноническому праву^[93] – присутствие на данной территории церковных судов, их пастырский характер и их корректное и скорое функционирование^[94]. Важно, чтобы в каждой епархии было достаточное число лиц, подготовленных для хорошей работы церковных судов. Я напоминаю, что «серьезной обязанностью является забота о том, чтобы институциональная деятельность Церкви в судах становилась всё более близкой к верным»^[95]. В то же время необходимо избегать того, чтобы понимать пастырскую заботу так, как если бы она противоречила праву. Нужно прежде всего исходить из предпосылки, что основной точкой соприкосновения права и пастырского попечения является *любовь к истине*: последняя в действительности никогда не абстрактна, но «интегрируется в человеческий и христианский путь каждого верного»^[96]. Наконец, там, где супружеский союз не признан несостоятельным и где объективные обстоятельства таковы, что совместная жизнь имеет по-настоящему необратимый характер, Церковь поощряет таких верующих к тому, чтобы они продолжали сохранять свой союз в соответствии с требованиями Закона Божия, как друзья, как брат и сестра; так они смогут – принимая во внимание одобренную церковную практику – приступать к евхаристической Трапезе. Чтобы подобный путь был возможен и плодотворен, нужна поддержка пастырей и соответствующих церковных начинаний; в любом случае, следует избегать благословения подобных союзов, чтобы среди верных не

возникало смущения относительно ценности брака[97].

Ввиду сложности культурного контекста, в котором живет Церковь во многих странах, Синод также рекомендовал проявлять большую пастырскую заботу о подготовке тех, кто собирается вступить в брак, и о внимательном испытании их убеждений, касающихся тех обязательств, которые требуются для действительности таинства брака. Серьезное распознавание этих вещей поможет избежать того, что эмоциональные порывы или поверхностные причины приведут двух молодых людей к принятию обязательств, которые они впоследствии не способны будут уважать[98]. То благо, которого Церковь и всё общество ожидают от брака и основанной на нем семьи, слишком велико, чтобы не включиться самым основательным образом в эту особую область пастырского попечения. Брак и семья – это институты, которые должны поощряться и быть гарантированными от любых возможных превратных пониманий истины о них, потому что всякий причиняемый им ущерб на самом деле наносит рану человеческому сосуществованию как таковому.

Евхаристия и эсхатология

Евхаристия – дар людям в их странствии

30. Если истинно, что таинства – это реальность, принадлежащая Церкви, которая совершает паломничество во времени[99] к полному проявлению победы воскресшего Христа, то столь же истинно – особенно в Божественной Литургии, – что нам дано предвкушение эсхатологического исполнения, к которому держит путь каждый человек и всё творение (ср. Рим 8, 19 и далее). Человек сотворен для подлинного и вечного счастья, которое может дать только любовь Божия. Но наша поврежденная свобода заблудилась бы, не будь возможно испытать нечто принадлежащее грядущему исполнению. Кроме того, каждый человек, чтобы идти в правильном направлении, должен быть ориентирован на конечную цель. В действительности, эта конечная цель – Сам Христос Господь, победитель греха и смерти, Который для нас особым образом делает Себя присутствующим в евхаристическом богослужении. Так и мы, пусть по-прежнему «пришельцы и странники» (1 Петр 2, 11) в этом мире, в вере уже участвуем в полноте воскресшей жизни. Евхаристический пир, открывая это сугубо эсхатологическое измерение, приходит на помощь нашей всё еще странствующей свободе.

Эсхатологический пир

31. Размышляя об этой тайне, мы можем сказать, что Своим пришествием Иисус поставил Себя в связь с ожиданием в народе Израилевом, во всем человечестве и во всем творении. Дарованием Самого Себя Он объективно открыл эсхатологическое время. Христос пришел, чтобы собрать воедино рассеянный народ Божий (ср. Ин 11, 52), ясно проявляя намерение собрать общину завета, чтобы привести к исполнению обетования Божии, данные отцам

(ср. Иер 23, 3; 3, 31; Лк 1, 55, 70). В призвании Двенадцати, число которых соответствует двенадцати коленам Израилевым, и в заповеди совершать память о Нем, данной им на Тайной Вечере перед Его спасительными Страстями, Иисус показал, что возжелал перенести на всю основанную Им общину задачу быть знаком и орудием эсхатологического собрания людей воедино, начатого в Нем. Поэтому в каждом совершении Евхаристии сакраментально осуществляется эсхатологическое собрание народа Божия.

Евхаристическая вечеря является для нас реальным предвосхищением окончательного пира, предвозвещенного пророкам (ср. Ис 25, 6-9) и описанного в Новом Завете как «брачная вечеря Агнца» (Откр 19, 7-9), которая будет праздноваться в общении святых^[100].

Молитва за усопших

32. Божественная Литургия, где мы возвещаем смерть Господа и исповедуем Его воскресение, ожидая Его пришествия, есть залог грядущей славы, в которой и наши тела будут прославлены. Когда бы совершаем воспоминание нашего спасения, в нас укрепляется надежда на воскресение плоти и на возможность встретить вновь, лицом к лицу, тех, кто предварил нас со знамением веры. В этой перспективе я хотел бы вместе с Отцами Синода напомнить всем верным значение ходатайственной молитвы за усопших – особенно, при совершении святых Месс за них^[101], – дабы, очистившись, они могли войти в блаженное видение Бога. Вновь открывая эсхатологическое измерение, присущее Евхаристии, которая совершается и которой поклоняются, мы имеем, таким образом, поддержку на нашем пути и утешение в надежде славы (ср. Рим 5, 2; Тит 2, 13).

Евхаристия и Дева Мария

33. Из связи между Евхаристией и каждым другим таинством и из эсхатологического значения святых Тайн происходят во всей их целостности очертания христианской жизни, призванной быть духовным культом и жертвой, благоугодной Богу. И если мы еще находимся на пути к исполнению нашей надежды, это не значит, что мы не можем уже теперь с благодарностью признать, что всё дарованное нам Богом находит совершенное осуществление в Деве Марии, Матери Божией и нашей Матери: ее взятие на небо телом и душой является для нас знамением верной надежды, поскольку оно показывает нам, странникам во времени, ту эсхатологическую цель, которую Таинство Евхаристии дает нам предвкушать уже сейчас.

В Пресвятой Деве Марии мы также видим тот полностью осуществившийся сакраментальный образ действия, посредством которого Бог встречает человека и включает его в Свой спасительный замысел. От Благовещения до Пятидесятницы Мария из Назарета является личностью, в которой свобода находится полностью в распоряжении воли Божией. Ее Непорочное Зачатие открывается именно в Ее безусловной покорности

Божественному слову. Ее послушная вера оказывается той формой, которую принимает Ее жизнь в каждое мгновение перед лицом действия Бога. Дева слушающая, Она живет в полном созвучии с Божественной волей; Она сохраняет в Своем сердце слова, которые приходят от Бога и, складывая их, подобно мозаике, готовит Себя к более глубокому их пониманию (ср. Лк 2, 19, 51); Мария – великая Верующая, Которая, будучи полна доверия, препоручает Себя Богу, предавая Себя Его воле[102]. Как подтвердил II Ватиканский Собор, «Пресвятая Дева следовала путём веры и верно хранила Своё единение с Сыном, до самого креста, подле которого Она стояла по явному Божественному замыслу (ср. Ин 19, 25), глубоко страдала с Сыном Своим Единородным и материнским сердцем приобщалась к Его жертве, с любовью согласившись на заклание Жертвы, от Неей рожденной; и, наконец, была дана как Мать одному из учеников Христом Иисусом, умирающим на кресте и говорящим: “Жено! Се, сын Твой”»[103]. От Благовещения до Креста Мария есть Та, Которая принимает Слово, ставшее в Ней плотью, и идет с Ним вплоть до того, как Оно смолкает в безмолвии смерти. Она, наконец, Та, Которая принимает в Свои руки принесенное в дар Тело, теперь уже безжизненное, Того, Кто воистину возлюбил Своих «до конца» (Ин 13, 1).

Вот почему всякий раз, когда на Божественной Литургии мы приступаем к Телу и Крови Христа, мы обращаемся также к Ней, принявшей для всей Церкви жертву Христа, которой Она полностью приобщилась. Отцы Синода сделали справедливое утверждение, что «Мария открывает участие Церкви в жертве Искупителя»[104]. Она – Непорочная, принимающая безусловно дар Бога, и таким образом Она связана с делом спасения. Мария из Назарета, икона рождающейся Церкви, являет нам, что каждый из нас призван принять тот дар, каковым делает Иисус Себя Самого в Евхаристии.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ:

ЕВХАРИСТИЯ – ТАЙНА, КОТОРУЮ СОВЕРШАЮТ

«Истинно, истинно говорю вам: не Моисей дал вам хлеб с неба, а Отец Мой дает вам истинный хлеб с небес» (Ин 6, 32)

Lex orandi и lex credendi

34. Синод Епископов много размышлял над внутренней взаимосвязью между евхаристической верой и богослужением, указав на связь между *lex orandi* [законом молитвы] и *lex credendi* [законом веры] и подчеркнув примат *священнодействия*. Необходимо жить Евхаристией как тайной веры, аутентично совершаемой, с ясным пониманием того, что «*intellectus fidei* [разумение веры] всегда пребывает в исконной

взаимосвязи со священнодействием»[105]. В такой перспективе богословская рефлексия никогда не может абстрагироваться от сакраментального порядка, установленного Самим Христом. С другой стороны, священнодействие никогда не может рассматриваться в общих чертах, отвлекаясь от тайны веры. Действительно, источник нашей веры и Божественной Литургии – одно и то же событие.

Красота и литургия

35. Связь между тайной, в которую веруют, и тайной, которую совершают, проявляется особым образом в богословской и литургической ценности красоты. Именно литургия, как, впрочем, и христианское Откровение, внутренне связано с красотой: она есть *veritatis splendor*[сияние истины]. В литургии сияет Пасхальная тайна, посредством которой Сам Христос привлекает нас к Себе и призывает к общению. В Иисусе мы созерцаем, как любил говорить святой Бонавентура, красоту и сияние начал[106]. Тот признак, на который мы ссылаемся, не принадлежит к чистой эстетике, но является способом, посредством которого истина любви Божией, явленная во Христе, нас достигает, очаровывает и восхищает, заставляя выйти за пределы самих себя и таким образом привлекая нас к нашему истинному призванию – любви[107]. Уже в творении Бог позволяет угадывать Себя в красоте и гармонии космоса (ср. Прем 13, 5; Рим 1, 19-20). В Ветхом Завете мы находим также заметные знаки сияния могущества Божия, открываемого Его славою через чудеса, явленные в среде избранного народа (ср. Исх 16, 10; 24, 12-18; Числ 14, 20-23). В Новом Завете эта эпифания красоты проявляется окончательно в откровении Бога в Иисусе Христе[108]: Он есть полное явление Божественной славы. В прославлении Сына слава Отца сияет и сообщает себя (ср. Ин 1, 14; 8, 54; 12, 28; 17, 1). Эта красота, однако, не просто гармония форм; Тот, Кто «прекраснее сынов человеческих» (Пс 45 [44], 3), сакраментальным образом оказывается также Тем, в Ком не было «ни величия», «ни вида, который привлекал бы нас к Нему» (Ис 53, 2). Иисус Христос показывает нам, что истина любви способна преображать даже мрачную тайну смерти в свете сияющего света воскресения. Здесь сияние славы Божией превосходит всякую красоту, присутствующую в мире. Истинная красота – это любовь Божия, которая окончательно открылась нам в Пасхальной тайне.

Красота литургии – часть этой тайны; она является высшим выражением славы Божией и представляет собой, в каком-то смысле, небо, сходящее на землю. Воспоминание искупительной жертвы несет в себе черты той красоты Иисуса, свидетелями которой были Петр, Иаков и Иоанн, когда Учитель по пути в Иерусалим преобразился перед ними (ср. Мк 9, 2). Соответственно, красота – это не декоративный фактор; она есть прежде всего основополагающий элемент, поскольку является свойством Самого Бога и Его Откровения. Всё это должно помочь нам осознать, какими внимательными нам следует быть, чтобы священнодействие сияло сообразно его собственной природе.

Евхаристическое священнодействие – дело Всецелого Христа (*Christus Totus*)

Christus totus in capite et in corpore [Всецелый Христос и во главе, и в теле]

36. Внутренняя красота богослужения имеет собственным субъектом воскресшего и прославленного в Духе Святом Христа, Который включает Церковь в Свое дело^[109]. В такой перспективе очень впечатляющими представляются слова святого Августина, который ярко описывает характерную для Евхаристии динамику веры. Великий гиппонский святой справедливо подчеркивает в связи с евхаристической Тайной, что Сам Христос нас принимает в Себя: «Этот хлеб, который вы видите на алтаре, освященный словом Божиим, есть Тело Христово. Эта чаша – вернее, то, что содержит чаша, – освященное словом Божиим, есть Кровь Христова. Ими возжелал Господь Христос передать Тело и Кровь Свою, которую за нас пролил во оставление грехов. Если вы [их] хорошо приняли, то вы – то, что вы приняли»^[110]. Значит, «мы стали не только христианами, но и Христом»^[111]. Исходя из этого, мы можем созерцать сакраментальное действие Божие, предполагающее глубокую связь между нами и Господом Иисусом: «Христос ведь не во главе и вне тела, но всецелый Христос и во главе, и в теле»^[112].

Евхаристия и воскресший Христос

37. Поскольку Божественная Литургия есть по существу *actio Dei* [дело Божие], которое вовлекает нас в Иисуса Духом Святым, ее основание не находится в распоряжении нашего своеволия и не может подвергаться давлению моды данного времени. Здесь непреложное значение имеет также утверждение святого Павла: «Никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос» (1 Кор 3, 11). И Апостол язычников снова в связи с Евхаристией заверяет нас, что он передает нам не какое-то свое собственное учение, но то, что он сам некогда принял (ср. 1 Кор 11, 23). Поистине, совершение Евхаристии несет в себе живое Предание. Церковь совершает евхаристическую Жертву в послушании заповеди Христа, начиная со встречи с Воскресшим и изливания Святого Духа. По этой причине христианская община с самого начала собиралась для *fractio panis* [преломления хлеба] в День Господень. Воскресенье, день, когда Христос воскрес из мертвых, есть также первый день недели – день, который ветхозаветная традиция считала началом сотворения мира. День творения отныне стал днем «нового творения», днем нашего освобождения, когда мы совершаем воспоминание Христа, Который умер и воскрес^[113].

Ars celebrandi

38. В ходе работы Синода неоднократно указывалось на необходимость преодолеть всякое возможное разделение между *ars celebrandi*, то есть искусством правильного священнодействия, и полным, деятельным и плодотворным участием всех верных.

Действительно, первым средством поощрения участия народа Божия в священном Обряде является правильное совершение самого Обряда. *Ars celebrandi* есть лучшая предпосылка для *actuosa participatio*[деятельного участия][114]. *Ars celebrandi* вытекает из верного послушания литургическим нормам во всей их целостности, потому что именно такой образ священнодействия уже в течение двух тысяч лет гарантирует жизнь веры всем верным, которые призваны переживать богослужение как народ Божий, царственное священство, народ святой [ср. 1 Петр 2, 4-5, 9][115].

Епископ – литург в высшей степени

39. Если истинно, что весь народ Божий участвует в Божественной Литургии, то дело правильного *ars celebrandi* неизбежно принадлежит тем, кто принял таинство священства. Епископы, священники и диаконы, каждый в соответствии со своей степенью, должны считать священнодействие своей основной обязанностью[116]. Это касается прежде всего правящего епископа: действительно, «будучи главным распорядителем тайн Божиих во вверенной ему отдельной Церкви, [он] управляет всю литургическую жизнь, развивает ее и охраняет»[117]. Всё это имеет решающее значение для жизни отдельной Церкви не только потому, что общение с епископом является условием того, чтобы любое священнодействие на его территории было законным, но также потому, что сам он – в высшей степени литург своей Церкви. Ему подобает оберегать гармоничное единство священнодействий в его епархии[118]. «Посему правящему епископу надлежит всей душой стремиться к тому, чтобы пресвитеры, диаконы и верные-миряне более целостно постигали подлинный смысл богослужебных обрядов и текстов, и это вело бы их к деятельному и плодотворному совершению Евхаристии»[119]. В особенности, я призываю делать всё необходимое для того, чтобы богослужения, совершаемые под председательством епископа в кафедральном соборе, проходили в полном уважении к *ars celebrandi*, дабы они могли считаться образцом для всех церквей на данной территории[120].

Уважение к литургическим книгам и богатству знаков

40. Из подчеркнутого внимания к значению *ars celebrandi* становится очевидной важность литургических норм[121]. *Ars celebrandi* должно способствовать чувству сакрального и использованию внешних форм, которые воспитывают это чувство, таких, как, например, гармония обряда, литургических облачений и церковного убранства, а также священного места. Евхаристическое священнодействие обретает пользу там, где священники и ответственные за литургическое пастырское попечение заботятся о том, чтобы наличествовало знание действующих богослужебных книг и соответствующих литургических норм, открывая великие богатства *Общего наставления к Римскому Миссалу* и *Порядка чтений на Мессе*. Их знание и подобающее уважение к ним в церковных общинах предполагается само собой разумеющимся, однако зачастую происходит иначе. Данные тексты поистине содержат богатства, сохраняющие и выражающие веру и путь народа

Божия в течение тысячелетий его истории. Для правильного *ars celebrandi* важно также быть чутким ко всем видам средств выражения, предусмотренных литургией: слово и пение, жесты и молчание, движения тела и литургические цвета облачений. В действительности, литургия по природе своей обладает многообразием средств коммуникации, позволяющих ей включать в себя человека целиком. Простота жестов и ясность знаков, имеющих место в предусмотренном порядке и в установленное время, сообщают больше и захватывают сильнее, чем искусственность неуместных добавлений. Во внимании к самой структуре обряда и послушании ей, выражающих признание Евхаристии как дара, проявляется воля служителя принять этот несказанный дар с покорной благодарностью.

Искусство, предназначенное для священнодействия

41. Глубокая связь между красотой и литургией должна сделать нас внимательными ко всем художественным средствам выражения, поставленным на службу священнодействию[122]. Важным аспектом священного искусства определено является архитектура храмов[123], в которых должно быть означено единство между отдельными элементами пресвитерия: алтарем, распятием, дарохранильницей, амвоном, предстоятельским местом. В этой связи следует принимать во внимание, что церковная архитектура имеет своей целью предоставлять Церкви, которая совершает тайны веры, в частности Евхаристию, пространство, наиболее приспособленное для ее священнодействия[124]. Поистине, сущность христианского храма определяется самим священнодействием, предполагающим собрание верных [*ecclesia*], которые суть живые камни храма (ср. 1 Петр 2, 5).

Тот же принцип применим и ко всему церковному искусству в целом, в особенности, к живописи и скульптуре, в которых религиозная иконография должна быть ориентирована на sacramентальную мистагогию. Углубленное познание тех форм, каковы церковное искусство смогло породить в течение веков, способно оказать огромную помощь тем людям, которые ответственны за заказы архитекторам и художникам на произведения искусства, связанные с богослужением. Поэтому необходимо, чтобы обучение семинаристов и священников включало в себя как важную дисциплину историю искусства, с особым экскурсом в тему культовых зданий в свете литургических норм. Определено, во всем, что касается Евхаристии, нужно руководствоваться хорошим вкусом к красоте. Также требуется уважительное и заботливое отношение к литургическим облачениям, церковному убранству и священным сосудам, чтобы в органичной и упорядоченной связи между собою они служили возрастанию благоговения перед тайной Божией, проявлению единства веры и укреплению благочестия[125].

Литургическое пение

42. Важное место в *ars celebrandi* занимает литургическое пение[126]. Правильно утверждает святой Августин в своем известном речении: «Новый человек знает новую

песнь. Песнь есть выражение радости и, если мы внимательнее призадумаемся, – выражение любви»[\[127\]](#). Народ Божий, собранный для священнодействия, поет хвалы Богу. Церковь за свою двухтысячелетнюю историю создала и продолжает создавать музыкальные произведения и песнопения, составляющие наследие веры и любви, которое не должно быть утрачено. На самом деле, в том, что касается литургии, мы не можем считать одни песнопения равноценными другим. В этой связи следует избегать поверхностной импровизации и введения музыкальных жанров, которые не принимают во внимание смысла литургии. Как литургический элемент пение должно интегрироваться в присущую богослужению форму[\[128\]](#). Следовательно, всё – в тексте, в мелодии и в исполнении – должно соответствовать смыслу празднуемой Тайны в разные моменты обряда и в различные литургические времена[\[129\]](#). Наконец, полностью принимая во внимание различные направления и традиции, весьма достойные похвалы, я желаю, как просили меня о том Отцы Синода, чтобы григорианский хорал[\[130\]](#) как пение, свойственное римской литургии[\[131\]](#), ценился подобающим образом.

Структура евхаристического священнодействия

43. Напомнив о существенных элементах *ars celebrandi*, выявившихся в ходе работы Синода, я хотел бы обратить особое внимание на некоторые элементы структуры евхаристического священнодействия, требующие в наше время особенной заботы, чтобы оставаться верными глубоким намерениям литургического обновления, которого возжелал II Ватиканский Собор, в духе преемственности со всей великой церковной традицией.

Внутреннее единство священнодействия

44. Прежде всего нужно задуматься о внутреннем единстве обряда святой Мессы. Следует избегать того, чтобы, будь то в катехезе или в образе священнодействия, создавалось впечатление, что две части обряда отделяются одна от другой. Литургия слова и Евхаристическая литургия – наряду с Начальными обрядами и Заключительным обрядом – «так тесно связаны одна с другой, что составляют единое священнодействие»[\[132\]](#). Действительно, существует внутренняя связь между словом Божиим и Евхаристией. От слышания слова Божия рождается или усиливается вера (ср. Рим 10, 17); в Евхаристии Слово, ставшее плотью, дает Себя нам как духовную пищу[\[133\]](#). Так, «от двух трапез – трапезы слова Божия и трапезы Тела Христова – Церковь принимает Хлеб жизни и дает верным»[\[134\]](#). Поэтому надо постоянно сохранять ясность в отношении того, что слово Божие, читаемое Церковью и возвещаемое в литургии, ведет к Евхаристии как к своей естественной цели.

Литургия слова

45. Вместе с Синодом я прошу, чтобы Литургия слова всегда подготавливалась и

проживалась должным образом. Поэтому я настоятельно рекомендую уделять на богослужениях большое внимание тому, чтобы слово Божие возвещалось хорошо подготовленными чтецами. Давайте никогда не забывать: «Когда в Церкви читается Священное Писание, Сам Бог обращается к Своему народу, и Христос, пребывающий в Своем слове, возвещает Евангелие»^[135]. Если того требуют обстоятельства, можно продумать несколько предваряющих слов, которые помогут верующим сосредоточиться на читаемом. Чтобы слово Божие было хорошо понято, оно должно слушаться и восприниматься в церковном духе и с осознанием его связи с Таинством Евхаристии. Поистине, слово, которое мы возвещаем и слушаем, есть Слово, Которое стало плотью (ср. Ин 1, 14), и оно образует внутреннюю связь с личностью Христа и с сакраментальным образом Его присутствия. Христос говорит не в прошлом, но в нашем настоящем – как Тот, Кто присутствует в священнодействии. В этой сакраментальной перспективе христианского Откровения^[136] познание и изучение слова Божия делает для нас возможным лучше ценить Евхаристию, лучше совершать ее и лучше жить ею. Здесь также открывается во всей своей истинности утверждение, согласно которому «незнание Писаний есть незнание Христа»^[137].

С этой целью нужно помогать верующим ценить сокровища Священного Писания, представленные в лекционарии, посредством пастырских инициатив, богослужений Слова и молитвенных чтений [*lectio divina*]. Кроме того, не следует забывать поощрения тех форм молитвы, которые утвердились в традиции: Литургии часов, – особенно, утрени, вечерни и повечерия, – а также бдений. Молитва псалмов, библейские чтения и чтения из великой традиции, представленные в Литургии часов, могут привести к углубленному переживанию того события, каковым является Христос, и домостроительства спасения – переживанию, которое, в свою очередь, может обогатить понимание евхаристического священнодействия и участие в нем^[138].

Проповедь

46. В связи со значением слова Божия ощущается необходимость улучшать качество проповеди. Действительно, проповедь «составляет часть священнодействия»^[139]; ее задача состоит в том, чтобы способствовать более глубокому пониманию и большей действенности слова Божия в жизни верующих. Поэтому рукоположенные служители должны «подготавливать проповедь тщательно, основываясь на подобающем знании Священного Писания»^[140]. Следует избегать поверхностных и отвлеченных проповедей. Я настойчиво прошу проповедников заботиться о том, чтобы возвещаемое слово Божие рассматривалось в тесной связи с сакраментальным священнодействием^[141] и с жизнью общины, дабы слово Божие было подлинной поддержкой и жизнью для Церкви^[142]. Итак, следует помнить о катехетической и назидательной цели проповеди. Представляется уместным, основываясь на трехгодичном лекционарии, предлагать верным хорошо продуманные тематические проповеди, в которых в течение литургического года будут

прослеживаться важнейшие темы христианской веры, с обращением к тому, что авторитетно представлено в *Катехизисе Католической Церкви* и в недавно вышедшем его *Компендиуме* как четыре «столпа»: исповедание веры, совершение христианской тайны, жизнь во Христе и христианская молитва[143].

Приношение даров

47. Отцы Синода уделили также внимание приношению даров. Речь идет не просто о своего рода «паузе» между Литургией слова и Евхаристической литургией. Такое означало бы, помимо прочего, занижение смысла единого обряда, который состоит из двух частей, связанных между собой. В этом простом и смиренном действии проявляется поистине глубокое его значение: в хлебе и вине, которые мы приносим на алтарь, всё творение принимается Христом Искупителем, чтобы преобразиться и быть принесенным Отцу[144]. Если смотреть в такой перспективе, то мы приносим на алтарь также всё страдание и всю скорбь мира, зная, что всё драгоценно в очах Божиих. Чтобы этот жест переживался во всем его подлинном значении, не следует дополнять его неподобающими усложнениями. Он помогает нам ценить то соработничество, которого Бог изначально желает от человека, в приведении к исполнению в нем дела Божия, а также наделять полным смыслом человеческий труд, который через совершение Евхаристии соединяется с искупительной жертвой Христа.

Евхаристическая молитва

48. Евхаристическая молитва – «центр и вершина всего богослужения»[145]. Ее важность заслуживает того, чтобы подчеркнуть ее подобающим образом. Различные Евхаристические молитвы, содержащиеся в Миссале, переданы нам живым Преданием Церкви и характеризуются неисчерпаемым богословским и духовным богатством. Верные должны быть способны ценить их. В этом нам помогает *Общее наставление к Римскому Миссалу*, где напоминаются основные элементы каждой Евхаристической молитвы: благодарение, возглашение, эпиклесис, повествование об установлении Евхаристии, освящение, анамнесис, приношение, ходатайственные молитвы и заключительное славословие[146]. Евхаристическая духовность и богословская рефлексия с особой силой проявляются при созерцании глубокого единства в анафоре между призыванием Святого Духа и повествованием об установлении Евхаристии[147], где «совершается жертва, которую Сам Христос установил на последней Вечере»[148]. Действительно, «особыми призываниями Церковь испрашивает Божественную силу, чтобы предложенные людьми дары освятились, то есть стали Телом и Кровью Христа, и дабы непорочная Жертва, принимаемая в причастии, была во спасение причастникам»[149].

Приветствие мира

49. Евхаристия по природе своей есть Таинство мира. Этот аспект евхаристической Тайны находит в Божественной Литургии особенное выражение в обряде приветствия мира. Это, несомненно, очень ценный знак (ср. Ин 14, 27). В нашу эпоху, столь страшно обремененную конфликтами, этот жест, даже с точки зрения общего восприятия, несет в себе особый смысл, поскольку Церковь всегда считает свойственной ей задачей испрашивать у Господа для себя и для всей человеческой семьи дар мира и единства. Мир бесспорно является неугасимым томлением в сердце каждого человека. Церковь оказывается выразительницей того прошения о покое и примирении, которое поднимается из глубины души каждого человека доброй воли, и возводит его к Тому, Кто «есть мир наш» (Еф 2, 14) и Кто способен примирять народы и личностей даже там, где человеческие усилия терпят крах. Отсюда понятно то волнение, с каким зачастую переживается обряд приветствия мира на Божественной Литургии. В этой связи во время Синода Епископов было сочтено уместным упорядочить этот жест, который может принимать избыточные выражения, вызывая некоторое смущение в собрании непосредственно перед причащением. Хорошо ввиду этого помнить, что трезвое отношение, необходимое для поддержания подобающей богослужению атмосферы, – например, в том, чтобы обмениваться приветствием мира только с теми, кто находится совсем близко, – ничего не отнимет у высокого значения этого жеста[150].

Преподавание и принятие Евхаристии

50. Другой момент богослужения, о котором нужно вспомнить, – это преподавание и принятие Святого Причастия. Я прошу всех – особенно рукоположенных служителей и тех, кто, будучи подобающим образом подготовлен, получил полномочия осуществлять в случаях реальной необходимости служение преподавания Евхаристии, – делать всё возможное, чтобы этот жест в своей простоте соответствовал значению личной встречи с Господом Иисусом в Таинстве. В том, что касается правильных практических предписаний, я отсылаю к недавно опубликованным документам[151]. Пусть все христианские общины верно придерживаются действующих норм, видя в них выражение веры и любви, каковые всем нам надлежит иметь в отношении этого великого Таинства. Кроме того, не следует опускать драгоценного времени благодарения после причащения: помимо исполнения подобающего песнопения, может быть также очень полезным пребывать в безмолвии[152].

В связи с темой причащения хотелось бы обратить внимание на одну пастырскую проблему, часто возникающую в наши дни. Я имею в виду тот факт, что в некоторых ситуациях, как, например, на Мессах, которые служатся по случаю венчания, погребения или аналогичных событий, в богослужении участвуют не только практикующие верующие, но и другие люди, которые, к сожалению, уже годами не подходили к причастию, или те, кто в силу жизненных обстоятельств не могут быть допущены к таинствам. Случается также, что присутствуют люди, принадлежащие к другим христианским конфессиям или даже к другим религиям. Сходные ситуации имеют место в храмах, посещаемых с целью осмотра, – особенно там,

где богато представлено искусство. Понятна необходимость находить в таких случаях возможности кратко и убедительно напоминать всем о смысле причастия и условиях его принятия. В ситуациях, где невозможно гарантировать необходимую ясность относительно значения Евхаристии, следует принять во внимание возможность заменить Божественную Литургию богослужением слова Божия^[153].

Отпуст: Ite, missa est

51. Наконец, я хотел бы подчеркнуть то, что говорили Отцы Синода о приветствии отпуста в конце евхаристического священнодействия. После благословения диакон или священник отпускает народ словами «*Ite, missa est*» [Идите, Месса совершилась]. Из этого приветствия мы можем понять связь между совершённой Мессой и христианской миссией в мире. В древности слово «*missa*» означало просто «ропуск» [*dimissio*]. В христианском употреблении это слово приобрело намного более глубокий смысл. Действительно, слово «*missa*» [ропуск] стало пониматься как «*missio*» [миссия]. Это приветствие лаконично выражает миссионерскую природу Церкви. Хорошо, следовательно, помогать народу Божию углублять, вдохновляясь литургией, этот важный аспект церковной жизни. Ввиду этого может быть полезным для молитвы над народом и заключительного благословения располагать текстами, которые должным образом апробированы и выражают эту связь^[154].

Actuosa participatio

Подлинное участие

52. II Ватиканский Собор с должным основанием особо настойчиво рекомендовал деятельное, полное и плодотворное участие всего народа Божия в евхаристическом священнодействии^[155]. Осуществлявшееся в эти годы обновление определенно способствовало заметному прогрессу в том направлении, которого желали Отцы Собора. Тем не менее, нам не следует скрывать, что зачастую проявляется некоторое недопонимание подлинного смысла такого участия. Поэтому надо пояснить, что это словосочетание не подразумевает просто какую-то внешнюю деятельность во время богослужения. В действительности, деятельное участие, которого пожелал Собор, должно пониматься в более сущностном смысле, начиная с более глубокого осознания празднуемой тайны и ее связи с повседневной жизнью. Остается по-прежнему полностью в силе рекомендация соборной конституции *Sacrosanctum Concilium*, которая увещевает верных, чтобы они не присутствовали на Божественной Литургии «как посторонние и немые зрители», но «сознательно, благочестиво и деятельно участвовали в этом священнодействии»^[156]. В продолжение Собор так развивает данную мысль: подобает, чтобы верные «поучались Словом Божиим, подкреплялись трапезой Тела Господня, воздавали благодарение Богу, принося непорочную жертву, причём не только руками священника, но и вместе с ним, учились приносить в жертву самих себя и изо дня в день

через Христа Посредника совершенствовались в единении с Богом и друг с другом»[\[157\]](#).

Участие и священническое служение

53. Красота и гармония священнодействия находят знаменательное выражение в том порядке, посредством которого каждый призван участвовать в нем деятельным образом. Это предполагает признание различных иерархических служений, имеющих место в самом священнодействии. Полезно напомнить, что деятельное участие в священнодействии само по себе не тождественно просто исполнению положенного служения. Прежде всего, деятельному участию верных не идет на пользу та путаница, которая порождается в церковной общине неспособностью различать принадлежащие каждому разнообразные служения[\[158\]](#). Необходимо, в частности, чтобы была ясность относительно собственных обязанностей священника. Последний незаменимым образом, как свидетельствует Предание Церкви, является предстоятелем всего евхаристического священнодействия, от начального приветствия до заключительного благословения. В силу принятого им рукоположения он представляет Иисуса Христа, Главу Церкви, и – свойственным ему образом – представляет также саму Церковь[\[159\]](#). В действительности, каждое совершение Евхаристии управляется епископом – «либо лично, либо через пресвитеров, его помощников»[\[160\]](#). Ему помогает диакон, который исполняет в священнодействии некоторые особые формы служения: подготавливает алтарь и прислуживает священнику, возвещает Евангелие, иногда произносит проповедь, предлагает верным прошения во время всеобщей молитвы, преподает им причастие[\[161\]](#). Во взаимосвязи со служениями, основанными на таинстве священства, находятся также другие литургические служения, похвальным образом исполняемые монашествующими и подготовленными мирянами[\[162\]](#).

Евхаристическое священнодействие и инкультурация

54. Начиная с основополагающих утверждений II Ватиканского Собора, неоднократно подчеркивалось значение деятельного участия верных в евхаристической Жертве. Чтобы способствовать этому приобщению верных, следует предоставить пространство для некоторой адаптации к разным условиям и различным культурам[\[163\]](#). Тот факт, что имели место некоторые злоупотребления, не затмевает ясности этого принципа, которого надо придерживаться по мере реальных нужд Церкви, живущей одной и той же тайной Христовой и совершающей ее в различных культурных ситуациях. Поистине, Господь Иисус, в тайне Воплощения, родившись от женщины как совершенный человек (ср. Гал 4, 4), оказался связан не только с ожиданиями, представленными в Ветхом Завете, но и с чаяниями, которые питали все народы. Таким образом, Он показал, что Бог желает достичь нас в нашем жизненном контексте. Следовательно, для более действенного участия верных в святых Тайнах полезно продолжение процесса инкультурации в рамках евхаристического священнодействия, с учетом возможностей адаптации, предложенных в *Общем наставлении к Римскому Миссалу*[\[164\]](#) и истолкованных в свете тех критериев, которые

были установлены в IV Наставлении Конгрегации богослужения и таинств *Varietates legitimaе* от 25 января 1994 г.[165], а также в директивах, высказанных Иоанном Павлом II в послесинодальных обращениях *Ecclesia in Africa*, *Ecclesia in America*, *Ecclesia in Asia*, *Ecclesia in Oceania* и *Ecclesia in Europa*[166]. С этой целью я рекомендую Епископским Конференциям способствовать справедливому равновесию между критериями и директивами, которые уже существуют, и новыми формами адаптации[167], всегда в согласии с Апостольским Престолом.

Личные условия для деятельного участия

55. Рассматривая тему *actuosa participatio* верных в священном обряде, Отцы Синода обратили также внимание на личные условия, в которых должен находиться каждый верующий для плодотворного участия[168]. Одним из них, бесспорно, является дух постоянного обращения, который должен быть свойственен жизни всех верующих. Нельзя ожидать деятельного участия в Божественной Литургии, когда к ней приступают поверхностно, не задаваясь прежде вопросами о собственной жизни. Способствовать этому внутреннему расположению могут, к примеру, сосредоточение и безмолвие хотя бы за несколько минут до начала Литургии, пост и, в случае необходимости, сакраментальная исповедь. Сердце, примиренное с Богом, способно к истинному участию. Уместно, в особенности, напоминать верующим, что не может осуществляться *actuosa participatio* в святых Тайнах, если при этом нет активного участия в церковной жизни в целом, предполагающего также миссионерское служение, состоящее в несении любви Христовой в общество.

Вне всякого сомнения, полное участие в Евхаристии осуществляется тогда, когда верующий лично приступает к алтарю для принятия сакраментального причастия[169]. Тем не менее, нужно быть внимательными к тому, чтобы это справедливое утверждение не приводило к появлению среди верных некоторого автоматизма, как если бы из одного только факта пребывания в церкви во время Литургии следовало право, или, может быть, даже проистекала обязанность приступать к евхаристической Трапезе. Когда невозможно приступить к причастию, участие в Мессе остается все равно нужным, действительным, значимым и плодотворным. Хорошо в таких ситуациях возвращать желание полного единения со Христом, к примеру, практикой духовного причастия, о котором напоминал Иоанн Павел II[170] и которое рекомендовали святые наставники духовной жизни[171].

Участие христиан, не являющихся католиками

56. В связи с темой участия мы неизбежно должны рассмотреть вопрос о христианах, которые принадлежат к Церквам или церковным Общинам, не находящимся в полном общении с Католической Церковью. Относительно этого следует сказать, что, с одной стороны, внутренняя связь между Евхаристией и единством Церкви позволяет нам горячо

желать наступления того дня, когда мы сможем вместе совершать Божественную Литургию со всеми верующими во Христа и тем самым зримо выражать полноту того единства, которого Христос желал для Своих учеников (ср. Ин 17, 21); с другой стороны, благоговение, которое нам надлежит испытывать перед Таинством Тела и Крови Христа, препятствует тому, чтобы мы делали его простым «средством» для достижения этого единства без какого-либо различия^[172]. В действительности, Евхаристия не только выражает наше личное общение с Иисусом Христом, но и предполагает наше полное *communio*[общение] с Церковью. Именно это служит мотивом того, что мы со скорбью, но и не без надежды просим христиан, не являющихся католиками, отнестись с пониманием и уважением к нашему убеждению, основывающемуся на Библии и Предании. Мы считаем евхаристическое общение и церковное общение настолько тесно связанными между собой, что это делает в основном невозможным для христиан, не являющихся католиками, приступать к первому, не участвуя во втором. Еще более бессмысленным было бы сослужение в полном смысле слова со служителями из Церквей или церковных Общин, не находящихся в полном общении с Католической Церковью. Тем не менее, остается в силе – ввиду вечного спасения – возможность допускать индивидуально христиан, не являющихся католиками, к таинствам Евхаристии, покаяния и елеопомазания больных. Это, вместе с тем, предполагает необходимость удостовериться, что речь идет об определенных и исключительных ситуациях, в соответствии с конкретными условиями^[173], четко указанными в *Катехизисе Католической Церкви*^[174] и его *Компендиуме*^[175]. Долг каждого – верно их соблюдать.

Участие через средства коммуникации

57. По причине заметного развития средств коммуникации в последние десятилетия слово «участие» приобрело более широкое значение, нежели в прошлом. Мы все с удовлетворением признаём, что эти инструменты предоставляют и новые возможности для Божественной Литургии^[176]. Это требует от сотрудников пастырского попечения в данной области специальной подготовки и живого чувства ответственности. Действительно, Месса, транслируемая по телевидению, неизбежно принимает некоторый характер показательности. Следует поэтому быть особенно внимательными к тому, чтобы богослужение проходило не только в местах достойных и хорошо подготовленных, но и совершалось с уважением к литургическим нормам.

Наконец, касательно ценности участия в Мессе, ставшего возможным благодаря средствам коммуникации, тот, кто присутствует при таких трансляциях должен знать, что при нормальных условиях он не исполняет праздничной обязанности. В самом деле, выразительные средства образов представляют реальность, но не передают ее как таковую^[177]. Если весьма похвально, что пожилые люди и больные участвуют в Мессе благодаря ее трансляции по радио или телевидению, то нельзя сказать того же о тех, кто при помощи таких трансляций хотел бы освободить себя от хождения в храм для участия в

Божественной Литургии в собрании живой Церкви.

Деятельное участие больных

58. Учитывая положение тех, кто по причине здоровья или возраста не может посещать культовых мест, я хотел бы обратить внимание всей церковной общины на пастырскую необходимость гарантирования духовной помощи больным, остающимся у себя дома или находящимся в больнице. Их положение не раз упоминалось в ходе Синода Епископов. Нужно позаботиться о том, чтобы эти наши братья и сестры могли часто приступать к причащению. Укрепляя таким образом свою связь со Христом, распятым и воскресшим, они смогут ощущать свое существование как полностью включенное в жизнь и миссию Церкви через принесение в жертву своих страданий в единстве с жертвой нашего Господа. Особое внимание должно быть уделено лицам с ослабленными физическими возможностями: там, где их положение позволяет, христианская община должна содействовать их участию в богослужении в культовом месте. В этой связи будет полезно устранить в культовых местах те препятствия, которые затрудняют лицам с ослабленными физическими возможностями доступ в них. Наконец, насколько это возможно, лицам с ослабленными умственными возможностями, принявшим крещение и миропомазание, должно быть гарантировано причащение: они принимают Евхаристию в вере – будь то вера их семьи или общины^[178].

Забота о заключенных

59. Духовная традиция Церкви, основываясь на недвусмысленных словах Христа (ср. Мф 25, 36), признала одним из дел милости телесной посещение узников. Люди, оказавшиеся в подобных ситуациях, испытывают особую нужду в том, чтобы их посетил Сам Господь в Таинстве Евхаристии. Ощущение близости церковной общины, участие в Евхаристии и принятие святого причастия может в столь особенный и скорбный период жизни повлиять на собственный путь веры и способствовать полной социальной реабилитации личности. Высказывая пожелания Ассамблеи Синода, я обращаюсь к епархиям с просьбой гарантировать, насколько это возможно, вложение подобающих пастырских сил в духовную помощь заключенным^[179].

Мигранты и участие в Евхаристии

60. Затрагивая проблему людей, которые по разным причинам были вынуждены оставить свою родную землю, Синод выразил особую благодарность тем, кто участвует в пастырской помощи мигрантам. В этой связи особенное внимание следует уделять тем мигрантам, которые принадлежат к Восточным Католическим Церквам и у которых, ввиду отдаленности от своего дома, добавляется такая трудность, как невозможность участвовать в Божественной Литургии своего обряда. Поэтому, где это возможно, нужно предоставлять им помощь священников соответствующего обряда. Во всяком случае, я прошу епископов

принимать этих братьев и сестер в любви Христовой. Встреча между верующими, принадлежащими к разным обрядам, также может стать случаем взаимного обогащения. В частности, я думаю о той пользе, которая может проистекать – прежде всего для духовенства – из познания разнообразных традиций[180].

Большие сослужения

61. Ассамблея Синода тщательно обдумала качество участия в больших сослужениях, которые имеют место в особых обстоятельствах, где присутствует, помимо огромного числа верных, много сослужащих священников[181]. С одной стороны, легко признать ценность этих моментов, особенно когда предстает епископ в окружении своего пресвитерия и диаконов. С другой стороны, в таких обстоятельствах могут возникать проблемы, касающиеся как зримого выражения единства пресвитерия – особенно во время Евхаристической молитвы, – так и преподания святого причастия. Следует избегать того, чтобы такие большие сослужения вызвали рассеяние. Нужно предупреждать его подобающими средствами координации и устройством культового места таким образом, чтобы оно предоставляло священникам и верным возможность полного и реального участия. Во всяком случае, следует помнить, что речь идет о сослужениях исключительного характера, ограничивающихся экстраординарными ситуациями.

Латинский язык

62. Всё сказанное никоим образом не должно бросать тени на ценность больших богослужений. В этот момент я думаю, в частности, о священнодействиях, совершаемых во время международных встреч, которые в наши дни становятся всё более частыми. Их следует по справедливости ценить. Для лучшего выражения единства и вселенского характера Церкви я хотел бы рекомендовать то, что предлагалось Синодом Епископов в согласии с директивами II Ватиканского Собора[182]: хорошо, чтобы такие богослужения – за исключением чтений, проповеди и молитвы верных – были на латинском языке; и подобным же образом, чтобы по-латыни произносились наиболее известные молитвы[183] из традиции Церкви и чтобы по возможности исполнялись григорианские песнопения. В более общем плане, я прошу, чтобы будущие священники, начиная с семинарии, обучались понимать и служить Мессе на латыни, а также использовать латинские тексты и григорианский хорал; не следует пренебрегать возможностью обучать и самих верных знанию на латыни наиболее общепринятых молитв, как и григорианскому пению некоторых частей богослужения[184].

Евхаристические священнодействия в малых группах

63. Совсем иная ситуация возникает в некоторых пастырских обстоятельствах, где именно для более сознательного, деятельного и плодотворного участия поощряются богослужения

в малых группах. Полностью признавая воспитательную ценность таких начинаний, необходимо пояснить, что они должны находиться в согласии со всей пастырской программой в епархии. Действительно, их опыт утратил бы свой педагогический характер, если бы создавалось впечатление, что они противостоят жизни отдельной Церкви или параллельны ей. В этой связи Синод выделил несколько критериев, с которыми следует руководствоваться: малые группы должны служить единению, а не дроблению общины; это должно подтверждаться конкретной практикой; эти группы должны способствовать плодотворному участию всего собрания и сохранять, насколько возможно, единство литургической жизни в каждой семье[185].

Внутреннее участие в священнодействии

Мистагогическая катехеза

64. Великая литургическая традиция Церкви учит нас, что для плодотворного участия нужно стремление личным образом соответствовать совершаемой тайне посредством принесения в дар Богу собственной жизни в соединении с жертвой Христа за спасение всего мира. По этой причине Синод Епископов рекомендовал проявлять заботу о глубоком соответствии слов и действий верующих с их внутренним расположением. В противном случае нашим богослужениям, как бы хороши они ни были, грозит соскальзывание в ритуализм. Поэтому надо развивать воспитание евхаристической веры, которая располагает верных лично жить тем, что они литургически совершают. Какие подходящие инструменты воспитания могут существовать ввиду этого личного сознательного *participatio*[участия]? По этой проблеме Отцы Синода единодушно указали на катехезу мистагогического характера, побуждающую верных всё лучше и лучше входить в совершаемые тайны[186]. В частности, в связи с вопросом о взаимоотношении между *ars celebrandi* и *actuosa participatio* следует прежде всего подчеркнуть, что «лучшей катехезой о Евхаристии является хорошо отслуженное совершение самой Евхаристии»[187]. Действительно, литургия по природе своей обладает собственным педагогическим эффектом для введения верных в познание совершаемой тайны. Поэтому в древнейшей традиции Церкви путь воспитания христианина – помимо систематического изучения истин веры – всегда имел характер посвящения, в котором определяющей была живая и убедительная встреча со Христом, возвещааемым подлинными свидетелями. В этом смысле тот, кто вводит в тайны, есть прежде всего свидетель. Такая встреча по-настоящему углубляется в катехезе и обретает свой источник и свою вершину в совершении Евхаристии. Из этой основополагающей структуры христианского опыта рождается потребность в мистагогическом пути, в котором всегда должны присутствовать три элемента:

А. Прежде всего, речь идет о *толковании обрядов в свете спасительных событий* сообразно живой традиции Церкви. В самом деле, совершение Евхаристии в своем неисчерпаемом богатстве содержит постоянные отсылки к истории спасения. В распятом и воскресшем

Христе нам поистине дано праздновать то средоточие, в котором происходит нововозглавление всей действительности (ср. Еф 1, 10). С самого своего основания христианская община понимала события жизни Иисуса – в частности, Пасхальную тайну – в связи со всей ветхозаветной историей.

Б. С другой стороны, мистагогическая катехеза обязана заботиться о том, чтобы *вводить в смысл знаков*, которые содержатся в обрядах. Эта ее обязанность особенно необходима в такую эпоху, как наша, в которой столь сильно господство техники и существует риск утратить способность воспринимать знаки и символы. Помимо информирования, мистагогическая катехеза должна пробуждать и воспитывать восприимчивость верующих к языку символов и жестов, которые в единстве со словом образуют обряд.

В. Наконец, мистагогическая катехеза должна проявлять заботу о том, чтобы показывать *значение обрядов в связи с христианской жизнью* во всех ее аспектах: в трудах и служениях, в мыслях и чувствах, в деятельности и отдыхе. Выявление связи обрядово совершаемых тайн с миссионерской ответственностью верных есть часть мистагогического пути. В этом смысле окончательным результатом мистагогии является осознание того, что собственное бытие поступательно преобразуется совершением святых Тайн.

Действительно, цель всего христианского воспитания – в формировании верного как «нового человека» во взрослой вере, делающей его способным свидетельствовать среди его окружения о воодушевляющей христианской надежде.

Чтобы быть в состоянии исполнять в своих церковных общинах такую воспитательную задачу, надо располагать людьми, которые подобающим образом подготовлены. Весь христианский народ должен ощущать себя определенным образом вовлеченным в это воспитание. Каждая христианская община призвана быть местом педагогического введения в тайны, литургически совершаемые в вере. Ввиду этого, во время Синода Отцы подчеркивали уместность более интенсивного участия общин посвященной Богу жизни, движений и групп, которые в силу своей собственной харизмы могут дать христианскому воспитанию новый импульс[188]. Дух Святой и в наше время обильно изливает Свои дары для поддержания апостольской миссии Церкви, в которой Он продолжает распространять веру и воспитывать ее вплоть до полной зрелости[189].

Благоговение перед Евхаристией

65. Убедительным признаком того, что евхаристическая катехеза действенна для верных, бесспорно, является возрастание в них чувства тайны Бога, присутствующего среди нас. В этом можно удостовериться благодаря особым проявлениям благоговения перед Евхаристией, в которое должен вводить верных мистагогический путь[190]. Я обращаю внимание, говоря вообще, на значимость жестов и положений тела, таких, как коленопреклонение во время важных моментов Евхаристической молитвы. При законном

различии знаков, практикуемых в контексте разных культур, всякий должен иметь и выражать живое осознание того, что при каждом священнодействии он стоит перед бесконечным величием Бога, которое смиренно приходит к нам в сакраментальных знаках.

Поклонение Святым Дарам и евхаристическое благочестие

Внутренняя связь между богослужением и поклонением Святым Дарам

66. Один из наиболее впечатляющих моментов Синода пришелся на 17 октября, когда мы собрались в базилике Святого Петра с многочисленными верующими для поклонения Святым Дарам. Этим молитвенным жестом Ассамблея Епископов желала привлечь внимание (не только словами) к важности внутренней связи между евхаристическим священнодействием и поклонением Святым Дарам. В этом знаменательном аспекте веры Церкви обнаруживается один из решающих элементов церковного пути, осуществляемого после литургической реформы, которой дал толчок II Ватиканский Собор. По мере реализации первых шагов реформы внутренняя связь между Мессой и поклонением Святым Дарам иногда недостаточно отчетливо ощущалась. К примеру, одним из распространенных аргументов против поклонения Святым Дарам было в то время утверждение, согласно которому евхаристический Хлеб был дан нам не для того, чтобы его созерцать, а для того, чтобы вкушать. На самом деле, в свете молитвенного опыта Церкви подобное противопоставление представляется совершенно безосновательным. Уже святой Августин сказал: «*Nemo autem illam carnem manducat, nisi prius adoraverit... peccemus non adorando*» [Пусть никто не вкушает эту Плоть, если прежде не почтит поклонением... не поклоняясь, мы бы согрешали][191]. В Евхаристии поистине Сын Божий приходит к нам и желает соединиться с нами; поклонение Святым Дарам есть не что иное, как очевидное развитие евхаристического священнодействия, которое само по себе является величайшим актом поклонения, совершаемого Церковью[192]. Принимать Евхаристию – значит поклоняться Тому, Кого мы принимаем; так и только так мы становимся едины с Ним и некоторым образом предвкушаем красоту небесной литургии. Акт поклонения Святым Дарам вне святой Мессы продлевает и усиливает то, что осуществляется во время самой Божественной Литургии. В действительности, «только в поклонении может созреть глубокое и истинное принятие Христа. И именно благодаря этому личному акту встречи с Господом становится, соответственно, зрелой общественная миссия, которая подкрепляется в Евхаристии и имеет целью разрушать преграды не только между Господом и нами, но также – и прежде всего – преграды, разделяющие нас друг с другом»[193].

Практика поклонения Святым Дарам

67. Итак, вместе с Ассамблеей Синода я живо рекомендую пастырям Церкви и народу Божию практиковать поклонение Святым Дарам, будь то личное или общинное[194]. В этой связи очень полезной будет подобающая катехеза, в которой верным объясняется значение

этого акта культа, помогающего прожить более глубоко и плодотворно саму Божественную Литургию. В рамках возможного – особенно в наиболее густонаселенных местах – будет уместным резервировать некоторые храмы и часовни специально для непрерывного поклонения Святым Дарам. Кроме того, я рекомендую, чтобы во время катехизации – особенно в процессе подготовки к первому причастию – осуществлялось введение детей в смысл и красоту пребывания рядом с Иисусом, чем культивировалось бы благоговение перед Его присутствием в Евхаристии.

Я хотел бы с восхищением выразить здесь мою поддержку тем институтам посвященной Богу жизни, члены которых посвящают значительную часть своего времени поклонению Святым Дарам. Так они показывают всем пример людей, которые дают себя преобразить реальному присутствию Господа. Я хочу также высказать поощрение тем ассоциациям верных, а также братствам, которые осуществляют эту практику как свою особую обязанность, становясь таким образом для всей Церкви закваской созерцательной жизни и призывом к тому, чтобы сделать Иисуса средоточием жизни личностей и общин.

Формы евхаристического благочестия

68. Личностная связь, которую каждый верующий устанавливает с Иисусом, присутствующим в Евхаристии, всегда отсылает его обратно к собранию церковной общины, питая в нем сознание его принадлежности к Телу Христову. Поэтому, помимо призыва к каждому верному находить время для личной молитвы перед Святыми Дарами, моим долгом является также побуждать сами приходы и другие церковные группы к развитию общинного поклонения Святым Дарам. Очевидно, что уже существующие формы евхаристического благочестия остаются в полной силе. Приходят на ум, к примеру, евхаристические процессии, особенно традиционная процессия на торжество *Тела и Крови Христа*, благочестивая практика Сорокачасовых поклонений, местные, национальные и международные евхаристические конгрессы и другие аналогичные начинания. При подобающем обновлении и приспособлении к различным условиям такие формы благочестия заслуживают того, чтобы в наши дни продолжать их культивировать^[195].

Место дарохранильницы в Церкви

69. В связи со значением запасных Даров и поклонения Святым Дарам, а также уважения к Таинству Жертвы Христовой Синод Епископов задался вопросом о подобающем месте дарохранильницы в интерьере наших храмов^[196]. В самом деле, ее правильное местоположение помогает сознавать реальное присутствие Христа в Пресвятом Таинстве. Поэтому необходимо, чтобы место, где хранятся Святые Дары, было легко узнаваемо каждым, кто входит в церковь, в том числе благодаря неугасимой лампаде. В этих целях следует принимать во внимание архитектурное устройство церковного здания: в храмах, где нет часовни Пресвятого Таинства и есть главный алтарь с дарохранильницей, уместно

продолжать использовать такую структуру для хранения Святых Даров и поклонения им, избегая того, чтобы предстоятельское место находилось перед дарохранильницей. В новых церквях уместно устраивать часовню Пресвятого Таинства в непосредственной близости от пресвитерия; там, где это невозможно, предпочтительнее расположить дарохранильницу в пресвитерии в достаточно возвышенном месте в центре абсиды или другом месте, где она будет тоже хорошо видна. Таким образом будет обеспечено достоинство дарохранильницы, о которой всегда нужно проявлять заботу, в том числе и в художественном отношении. Конечно, необходимо принимать во внимание то, что говорится в *Общем наставлении к Римскому Миссалу* в связи с данной темой[197]. Окончательное суждение по этому вопросу принадлежит епископу.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ:

ЕВХАРИСТИЯ – ТАЙНА, КОТОРОЙ ЖИВУТ

Евхаристическая форма христианской жизни

**«Как послал Меня живой Отец, и Я живу Отцем,
так и ядущий Меня жить будет Мною» (Ин 6. 57)**

Духовный культ (logiké latreía) (Рим 12, 1)

70. Господь Иисус, сделавшийся для нас пищей истины и любви, говоря о даровании Своей жизни, заверяет нас, что «ядущий хлеб сей будет жить вовек» (Ин 6, 51). Но эта «жизнь вечная» начинается в нас уже в это время благодаря той перемене, которую производит в нас евхаристический дар: «Ядущий Меня жить будет Мною» (Ин 6, 57). Эти слова Иисуса дают нам понять, что Тайна, «в которую верят» и «которую совершают», обладает внутренним динамизмом, делающим ее принципом новой жизни в нас и формой христианского существования. Причащаясь Телу и Крови Иисуса Христа, мы действительно всё более взрослым и сознательным образом становимся участниками Божественной жизни. К этому также применимо то, что в своей *Исповеди* сказал святой Августин о вечном *Логосе* как пище души; подчеркивая парадоксальный характер этой пищи, святой Учитель представляет, что слышит слова: «Я – пища великих. Расти, и ты будешь есть меня. И ты не превратишь Меня как пищу твоей плоти в себя. Но ты превратишься в Меня»[198]. И действительно, это не евхаристическая пища преобразуется в нас, но это мы таинственно изменяемся благодаря ей: Христос питает нас, соединяя нас с Собой; «он вовлекает нас в Себя»[199].

Евхаристическое священнодействие является здесь во всей своей силе как источник и вершина христианского существования, будучи в то же самое время началом и исполнением нового и окончательного культа – *logiké latreía*[200]. Слова святого Павла к

римлянам на эту тему представляют собой наиболее синтетическую формулировку того, как Евхаристия превращает всю нашу жизнь в духовный культ, угодный Богу: «Итак, умоляю вас, братия, милосердием Божиим, представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, для разумного служения вашего» (Рим 12, 1). В этом увещании появляется образ нового культа как полной самоотдачи личности в общении со всей Церковью. Настояние апостола на даровании нами собственных тел подчеркивает конкретный человеческий характер культа, который не может быть бесплотным. В этой связи святой из Гиппона нам напоминает: «Это – жертвоприношение христиан: мы, многие, составляем одно тело во Христе. И Церковь вновь и вновь совершает это Таинство алтаря, которое известно верным и в котором ей открывается, что в приносимом ею в жертву она приносит сама себя»^[201]. Католическое учение в самом деле утверждает, что Евхаристия как Жертва Христова есть также Жертва Церкви, а значит и верных^[202]. Упор на жертву (по-латыни *sacri-ficium* от *sacrum facere* – «делать священным») говорит здесь о той совершенно экзистенциальной насыщенности, какую предполагает изменение нашей человеческой реальности, охваченной Христом (ср. Фил 3, 12).

Всеохватная действенность евхаристического культа

71. Новый христианский культ объемлет все аспекты бытия и преображает их: «Итак, едите ли, пьете ли, или иное что делаете, всё делайте в славу Божию» (1 Кор 10, 31). В каждом действии своей жизни христианин призван выражать истинное почитание Бога. Именно в этом оформляется глубоко евхаристическая природа христианской жизни. Вовлекая в себя человеческую реальность в ее каждодневной конкретике, Евхаристия изо дня в день делает возможным поступательное преображение человека, который по благодати призван быть образом Сына Божия (ср. Рим 8, 29 и далее). Нет ничего подлинно человеческого – будь то мысли и чувства, слова и действия, – что не могло бы быть пережито во всей полноте в Таинстве Евхаристии. Здесь проявляется вся антропологическая ценность той радикальной новизны, которую принес Христос в Евхаристии: почитание Бога не может быть ограничено в человеческой жизни каким-то частным моментом, но по природе своей стремится охватить каждый аспект существования личности. Так культ, благоугодный Богу, становится новой формой проживания всех обстоятельств бытия, где всякая частность оказывается возвышена, ибо проживается во взаимосвязи со Христом и приносится в дар Богу. «Слава Божия есть живущий человек (ср. 1 Кор 10, 31); и жизнь человека есть лицезрение Бога»^[203].

«luxta dominicam viventes»

72. Та радикальная новизна, которую Евхаристия вводит в жизнь человека, раскрывается в христианском сознании с самого начала. Верующие непосредственно чувствовали глубокое воздействие Евхаристии на их жизнь. Святой Игнатий Антиохийский выражал эту истину, характеризуя христиан как «пришедших к новой надежде»; он представлял их как «живущих

воскресным днем» [*iuxta dominicam viventes*][204]. Эта формула великого антиохийского мученика ясно указывает на связь между евхаристической реальностью и христианским существованием в его повседневности. Характерный христианский обычай собираться в первый день по прошествии субботы, чтобы праздновать воскресение Христа, согласно описанию святого Юстина Мученика[205], является также элементом, который определяет форму существования, обновленного встречей со Христом. Формула святого Игнатия «живущие воскресным днем» подчеркивает и ту парадигматическую ценность, каковую имел этот святой день по отношению к любому другому дню недели. Действительно, он отличается не просто прекращением повседневной деятельности как своего рода отступлением от нормального ритма дней. Христиане всегда ощущали его как первый день недели, потому что именно в этот день они творили воспоминание той радикальной новизны, которая была принесена Христом. Таким образом, воскресенье – это день, когда христианин вновь обретает евхаристическую форму своего бытия, в соответствии с которой он призван жить постоянно. «Живущие воскресным днем» – значит, живущие в сознании освобождения, принесенного Христом, и исполняющие свое существование как приношение своей жизни в дар Богу, чтобы Его победа, через внутренне обновленное поведение, в полноте являлась всем людям.

Воскресная обязанность

73. Сознвая этот новый жизненный принцип, который Евхаристия дает христианину, Отцы Синода напомнили о важности для всех верующих заповеди освящать воскресный день как источник подлинной свободы, дабы все другие дни можно было прожить в соответствии с тем, как праздновался «День Господень». Действительно, жизнь по вере оказывается в опасности, когда больше не ощущается желание участвовать в евхаристическом священнодействии, где творится воспоминание пасхальной победы. Участвовать в воскресном литургическом собрании вместе со всеми нашими братьями и сестрами, которые образуют единое тело во Христе Иисусе, есть требование христианской совести, и, в то же время, это участие формирует христианскую совесть. Утрата смысла воскресенья как Дня Господня, который подобает освящать, – это симптом утраты смысла подлинной христианской свободы, свободы сынов Божиих[206]. В этой связи остаются весьма ценными наблюдения, касающиеся различных аспектов воскресного дня, которые сделал мой досточтимый Предшественник Иоанн Павел II в своем апостольском послании *Dies Domini*[207]: воскресенье есть *Dies Domini*[День Господень] ввиду акта творения; оно есть *Dies Christi* [День Христов] как день нового творения и дарования воскресшим Господом Духа Святого; оно есть *Dies Ecclesiae* [День Церкви] как день, в который христианская община собирается для богослужения; оно есть *Dies hominis*[День человека] как день радости, отдыха и братского милосердия.

Поэтому этот день оказывается «первопраздником», в котором каждый верный может сделаться там, где он живет, глашатаем и хранителем смысла времени. Из этого дня

проистекает поистине христианский смысл жизни и новый образ переживания времени, взаимоотношений, труда, жизни и смерти. Поэтому хорошо, чтобы в День Господень церковные институты окружали воскресное евхаристическое богослужение характерными для христианской общины проявлениями: дружескими встречами, инициативами в целях христианского воспитания детей, молодежи и взрослых, делами милосердия и различными молитвенными встречами. Ввиду столь важных ценностей – признавая, что субботний вечер, начиная с первой вечерни, принадлежит воскресному дню и в него позволено исполнять заповедь воскресного дня, – необходимо напомнить, что воскресенье само по себе заслуживает того, чтобы его освящать, дабы оно не становилось днем, «лишенным Бога»[\[208\]](#).

Значение отдыха и труда

74. Наконец, особо необходимо в нашу эпоху напоминать, что День Господень – это также день отдыха от работы. Мы сердечно желаем признания его в таком качестве со стороны гражданского общества, чтобы существовала возможность быть безнаказанно свободным от трудовой деятельности. Действительно, христиане – в связи со значением субботы в иудейской традиции – всегда понимали День Господень как день отдыха от повседневных трудов. Это восприятие имеет важное значение, поскольку *релятивизирует труд*, который направлен на пользу человека: труд для человека, а не человек для труда. Легко увидеть в этом защиту человека от возможной формы порабощения. Как я уже говорил, «труд имеет первостепенное значение для самореализации человека и для развития общества, и поэтому подобает всегда организовывать и осуществлять его в полном уважении к человеческому достоинству и к служению общему благу. В то же время необходимо, чтобы человек не становился рабом труда, не делал из него кумира, представляя его как высший и окончательный смысл своей жизни»[\[209\]](#). Именно день, посвященный Богу, открывает человеку понимание смысла его существования, а также его труда[\[210\]](#).

Воскресные собрания в отсутствие священника

75. Вновь открывая смысл воскресного богослужения для жизни христиан, естественно поставить вопрос о христианских общинах, в которых нет священника и поэтому невозможно совершать святую Мессу в День Господень. В этой связи нужно сказать, что мы оказываемся перед лицом весьма различных ситуаций. Синод прежде всего рекомендовал верным отправляться в те церкви своей епархии, где гарантировано присутствие священника, – даже если это требует от них некоторой жертвы[\[211\]](#). Там, где, напротив, большие расстояния делают практически невозможным участие в воскресной Евхаристии, важно, чтобы христианские общины также собирались для хвалы Господу и совершения памяти посвященного Ему дня. В то же время следует в этой связи соответствующим образом наставлять верных относительно различия между Мессой и воскресными собраниями в отсутствие священника. Церковь должна проявлять в этом случае

бдительную пастырскую заботу о том, чтобы Литургия слова, организуемая под руководством диакона или компетентного лица, наделенного для этого полномочиями, совершалась по особому обряду, разработанному Епископской Конференцией и утвержденному ею с этой целью[212]. Напоминаю, что предоставление полномочий преподавать причастие на таких богослужениях принадлежит правящим епископам, и им следует тщательно продумывать целесообразность принимаемого решения. Важность роли мирян, которые заслуживают справедливой благодарности за свое щедрое служение в христианских общинах, никогда не должна затмевать незаменимого служения священников в жизни Церкви[213]. Нужно особо внимательно следить за тем, чтобы собрания в отсутствие священника не создавали почвы для таких экклезиологических представлений, которые не находятся в согласии с истиной Евангелия и Предания Церкви. Напротив, они должны представлять преимущественную возможность молитвы Богу о том, чтобы Он послал святых священников по сердцу Своему. В этой связи впечатляет то, что писал Папа Иоанн Павел II в своем *Послании к священникам* на Великий Четверг 1979 г., вспоминая о тех местах, где верные, будучи лишены священников диктаторским режимом, собирались в каком-нибудь храме или санктуарии, возлагали на алтарь столу, которая у них всё еще хранилась, и читали молитвы Евхаристической литургии, а «в момент, соответствовавший пресуществлению», наступало глубокое молчание, свидетельствовавшее о том, как пламенно они желали «слышать слова, которые только уста священника могли действительно произнести»[214]. Ввиду этого, принимая во внимание несравненное благо, проистекающее из совершения евхаристической Жертвы, я прошу всех священников проявлять активную и конкретную готовность посещать как можно чаще общины, вверенные их пастырскому попечению, чтобы те не оставались слишком долго без Таинства любви.

Евхаристическая форма христианской жизни – принадлежность к Церкви

76. Значение воскресенья как *Dies Ecclesiae*[Дня Церкви] напоминает нам о внутренней связи между победой, одержанной Христом над злом и смертью, и нашей принадлежностью к Его церковному Телу. Действительно, в День Господень каждый христианин открывает также и общинное измерение своей искупленной жизни. Участвовать в священнодействии, причащаться Телу и Крови Христа означает, в то же время, всё глубже принадлежать Тому, Кто умер за нас (ср. 1 Кор 6. 19 и далее; 7. 23). Воистину, кто вкушает Христа, тот Им живет. В связи с Тайной Евхаристии становится понятен глубокий смысл *communio sanctorum*[общения святых]. Общение всегда неотъемлемо обладает вертикальным и горизонтальным измерениями: общение с Богом и общение с нашими братьями и сестрами. Эти два измерения таинственно встречаются в евхаристическом даре. «Там, где разрушается общение с Богом, которое является общением с Отцом, с Сыном и со Святым Духом, разрушается также корень и источник нашего общения между собою. И там, где мы не живем общением между собою, нет и живого и истинного общения с Богом Троицей»[215]. Призванные быть членами Тела Христова, а тем самым и друг друга (ср. 1 Кор 12, 27), мы образуем реальность, онтологически основывающуюся на крещении и

питаемую Евхаристией, – реальность, которая требует осязаемого соответствия в жизни наших общин.

Евхаристическая форма христианской жизни является, вне всякого сомнения, церковной и общинной. Через епархии и приходы как базовые структуры Церкви на отдельной территории каждый верный может иметь конкретный опыт своей принадлежности к Телу Христову. Ассоциации, церковные движения и новые общины, со всею живостью своих харизм, дарованных Святым Духом для нашего времени, а также институты посвященной Богу жизни должны вносить свой особенный вклад в то, чтобы верные лучше осознавали себя *принадлежащими Господу* (ср. Рим 14, 8). Феномен секуляризации, имеющий не случайно глубоко индивидуалистический характер, оказывает пагубное воздействие особенно на тех людей, которые самоизолируются ввиду утраты ими чувства принадлежности. С самого начала христианство предполагает общение, сеть взаимоотношений, непрестанно оживляемых слушанием слова Божия и совершением Евхаристии и одухотворяемых Святым Духом.

Духовность и евхаристическая культура

77. Отцы Синода сделали примечательное утверждение, что «верные-христиане испытывают нужду в более глубоком понимании связи между Евхаристией и повседневной жизнью. Евхаристическая духовность не сводится к участию в Мессе и почитанию Святых Даров, но охватывает всю жизнь»^[216]. Это утверждение имеет для нас сегодня особое значение. Надо признать, что одно из самых серьезных последствий секуляризации, которое уже отмечалось, состоит в том, что христианская вера выброшена на обочину жизни, как если бы она была бесполезна для конкретного развития жизни людей. Крах образа жизни «как если бы Бога не было» сейчас для всех очевиден. Сегодня необходимо вновь открыть, что Иисус Христос – не просто частное убеждение или абстрактная доктрина, но реальная Личность, Чье вхождение в историю способно обновить жизнь всех. Поэтому Евхаристия как источник и вершина жизни и миссии Церкви должна переводиться в духовную реальность, в «жизнь по духу» (Рим 8, 4 и далее; ср. Гал 5, 16, 25).

Знаменательно, что святой Павел в том фрагменте *Послания к Римлянам*, где он призывает жить новым духовным культом, вспоминает также и о необходимости изменить образ жизни и мысли: «Не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная» (Рим 12, 2). Так Апостол язычников подчеркивает связь между истинным духовным культом и необходимостью нового образа восприятия бытия и ведения своей жизни. Обновление образа мысли составляет часть евхаристической формы христианской жизни, «дабы мы не были более младенцами, колеблющимися и увлекающимися всяким ветром учения» (Еф 4, 14).

Евхаристия и евангелизация культур

78. Из всего сказанного вытекает, что евхаристическая Тайна ведет нас к диалогу с различными культурами, но также, в каком-то смысле, и бросает им вызов^[217]. Нужно признать межкультурный характер этого *духовного культа* [*logiké latreía*]. Присутствие Иисуса Христа и излияние Святого Духа – события, способные прочно вступить во взаимоотношения с любой культурной реальностью, чтобы заложить в нее евангельскую закваску. Это влечет за собой обязанность убежденного содействия евангелизации культур, с осознанием того, что Сам Христос есть истина каждого человека и всей человеческой истории. Евхаристия становится критерием ценности всего того, что христианство встречает в различных проявлениях культуры. В этом важном процессе мы можем понять, как много значат слова святого Павла в *Первом послании к Фессалоникийцам*: «Все испытывайте, хорошего держитесь» (1 Фес 5, 21).

Евхаристия и верные-миряне

79. Во Христе, Главе Церкви, которая есть Его Тело, все христиане образуют «род избранный, царственное священство, народ святой»; они – «люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенства» Его (1 Петр 2, 9). Как Тайна, которой живут, Евхаристия дается каждому из нас в том состоянии, в котором он находится, делая из его экзистенциальной ситуации место, где он должен изо дня в день жить новизной христианства. Если евхаристическая Жертва питает и возвращает в нас то, что уже дано в Крещении, которым мы все призваны к святости^[218], то это должно обнаруживаться и проявляться особенно в тех обстоятельствах или состояниях жизни, в которых находится каждый христианин. Так день за днем при проживании верующим своей жизни как призвания происходит становление культа, благоугодного Богу. Начинаясь с литургического собрания, само Таинство Евхаристии обязывает нас в повседневной реальности, чтобы мы всё делали во славу Божию.

И поскольку мир есть «поле» (Мф 13, 38), в котором Бог сеет Своих детей как доброе семя, верные Христу миряне – в силу крещения и миропомазания, - укрепляемые Евхаристией, призваны жить радикальной новизной, привнесенной Христом в повседневные жизненные обстоятельства^[219]. Они должны лелеять желание, чтобы Евхаристия накладывала всё более глубокий отпечаток на их повседневную жизнь, ведя их к тому, чтобы они были узнаваемыми свидетелями в той среде, где они трудятся, и во всем обществе^[220]. Я обращаюсь с особым увещанием к семьям, чтобы они черпали вдохновение и силы в этом Таинстве. Любовь между мужчиной и женщиной, принятие жизни, воспитательная задача являются теми областями, в которых преимущественным образом Евхаристия может проявлять свою способность преображать жизнь и приводить ее к полноте ее смысла^[221]. Пусть пастыри никогда не перестают поддерживать верных-мирян, воспитывать их и поощрять к тому, чтобы они во всей полноте осуществляли в жизни свое призвание к святости в мире, который Бог так возлюбил, что отдал Сына Своего, дабы мир был спасен через Него (ср. Ин 3, 16-17).

Евхаристия и священническая духовность

80. Евхаристическая форма христианского существования, несомненно, проявляется особым образом в священническом состоянии жизни. Священническая духовность по существу своему глубоко евхаристична. Семя этой духовности обнаруживается уже в тех словах, которые произносит епископ в литургии рукоположения: «Прими приношение народа святого для принесения жертвы Богу. Осознай, что будешь делать, следуй тому, что будешь совершать, и живи согласно с тайною Креста Господня»^[222]. Чтобы придавать своей жизни евхаристическую форму, достигающую всё большего совершенства, священник должен с самого начала своей подготовки, а затем и в последующие годы уделять немалое место духовной жизни^[223]. Он призван непрестанно пребывать в подлинном искании Бога, полностью сохраняя близость к заботам людей. Насыщенная духовная жизнь позволит ему глубже войти в общение с Господом и поможет тому, чтобы им владела любовь Божия и он становился ее свидетелем во всех обстоятельствах, даже если они трудны и мрачны. С этой целью я вместе с Отцами Синода рекомендую священникам «ежедневное служение Мессы, даже без участия верных»^[224]. Эта рекомендация отвечает прежде всего объективно безмерной ценности каждого евхаристического священнодействия, будучи мотивирована его исключительной духовной действенностью, ибо, если Месса переживается с вниманием и верой, она воспитывает в самом глубоком смысле этого слова, поскольку движет вперед сообразование Христу и укрепляет священника в его призвании.

Евхаристия и посвященная Богу жизнь

81. В контексте связи между Евхаристией и различными церковными призваниями особенно выделяется «пророческое свидетельство мужчин и женщин посвященной Богу жизни, которые обретают в евхаристическом священнодействии и в поклонении Святым Дарам силу для того, чтобы радикально следовать за Христом послушным, нищим и целомудренным»^[225]. Исполняя многие формы служения в сферах воспитания и заботы о бедных, образования и помощи больным, мужчины и женщины посвященной Богу жизни знают, что основная цель их жизни – это «созерцание Божественного и постоянное единение с Богом в молитве»^[226]. Существенный вклад, которого Церковь ожидает от посвященной Богу жизни, состоит значительно больше в образе бытия, нежели в образе действия. Виду этого я хотел бы напомнить о значении девства как свидетельства – особенно в связи с Евхаристией. Действительно, помимо связи со священническим целибатом, евхаристическая Тайна имеет также глубокую связь с посвященным Богу девством, поскольку является выражением исключительного дара Церкви Христу, Которого она принимает как Жениха с радикальной и плодотворной верностью^[227]. В Евхаристии посвященное Богу девство находит вдохновение и пищу для всецелого дарования себя Христу. Оно черпает в Евхаристии также ободрение и стимул к существованию, чтобы и в наше время быть знаменем той бескорыстной и плодотворной любви, которую питает Бог к

человечеству. Наконец, через свое особенное свидетельство посвященная Богу жизнь объективно становится призывом «на брачную вечерю Агнца» (Откр 19, 7-9) и предвосхищением ее как цели всей истории спасения. В этом смысле она действительно отсылает к тому эсхатологическому горизонту, который нужен каждому человеку, чтобы он ориентировался в своем выборе и своих жизненных решениях.

Евхаристия и нравственное преобразование

82. Раскрытие красоты евхаристической формы христианской жизни ведет нас также к размышлению о нравственных силах, которые активизирует эта форма как поддержка подлинной свободы детей Божиих. Я хочу вспомнить здесь одну из тем, поднятых на Синоде, касающуюся связи между *евхаристической формой жизни и нравственным преобразованием*. Папа Иоанн Павел II утверждал, что нравственная жизнь «имеет ценность “духовного культа” (Рим 12, 1; ср. Фил 3, 3), который проистекает и набирает силу от неисчерпаемого источника святости и прославления Бога, каковым являются таинства, в особенности Евхаристия. Ибо причастный Жертве креста христианин становится общником жертвенной любви Христа и делается способным, а также обязанным проявлять саму эту любовь в жизни, во всех своих делах и всем своем поведении»^[228]. Короче, «в самом “культе”, в евхаристическом общении, содержатся и пребывание любимым и, в свою очередь, любовь к другим. Евхаристия, которая не преобразуется в конкретно осуществляемую любовь, является сама по себе неполной»^[229].

Это напоминание нравственного значения духовного культа не должно толковаться в морализаторском смысле. Речь идет прежде всего о радостном раскрытии динамики любви в сердце, которое принимает дар Господа, всецело отдает себя Ему и обретает истинную свободу. Нравственное преобразование, предполагаемое новым культом, который установлен Христом, является глубоким стремлением и сердечным желанием соответствовать любви Господа всем своим существом, целиком сознавая свою слабость. То, о чем мы говорим, хорошо отражено в евангельском рассказе о Закхее (ср. Лк 19, 1-10). Приняв Иисуса в своем доме, этот мытарь оказывается полностью преобразен: он решает отдать половину своего имущества бедным и воздать вчетверо тем, кого он ограбил. Нравственное устремление, рождающееся из встречи с Иисусом в нашей жизни, проистекает из благодарности за незаслуженный опыт близости Господа.

Евхаристическое соответствие

83. Важно обратить внимание на то, что Отцы Синода назвали *евхаристическим соответствием*, к которому объективно призвана наша жизнь. Действительно, благоугодный Богу культ никогда не является чисто частным актом, не связанным с нашими социальными отношениями: он требует публичного свидетельства нашей веры. Очевидно, что это относится ко всем крещеным, но с особой требовательностью обязывает тех, кто по

занимаемому политическому или социальному положению должен принимать решения, касающиеся фундаментальных ценностей, таких, как уважение и защита человеческой жизни от ее зачатия до естественной смерти, семья, основанная на браке между мужчиной и женщиной, свобода воспитания детей и содействие общественному благу во всех его формах[230]. Эти ценности неотъемлемы. Следовательно, католики – политики и законодатели, сознавая свою серьезную социальную ответственность, должны чувствовать себя особо призванными правильно воспитанной совестью предлагать и поддерживать законы, которые опираются на ценности, основанные на человеческой природе[231]. Это к тому же имеет объективную связь с Евхаристией (ср. 1 Кор 11, 29-29). Епископы обязаны постоянно напоминать о таких ценностях; это относится к их ответственности за вверенное им стадо[232].

Евхаристия – Тайна, которую надлежит возвещать

Евхаристия и миссия

84. В проповеди на Божественной Литургии, которой я торжественно начал мое служение на Кафедре св. Петра, я сказал: «Нет ничего более прекрасного, нежели когда нас достигает и удивляет Евангелие, Христос. Нет ничего более прекрасного, чем познавать Его и сообщать другим дружбу с Ним»[233]. Это утверждение обретает еще большую силу, когда мы размышляем о евхаристической Тайне. Действительно, мы не можем сохранить только для себя ту любовь, которую мы празднуем в Таинстве. Оно по своей сущности требует того, чтобы ее сообщали всем. То, в чем нуждается мир, – это любовь Божия, это встреча со Христом и вера в Него. Вот почему Евхаристия – не только источник и вершина жизни Церкви; она еще и источник и вершина ее миссии: «Подлинно евхаристическая Церковь – это миссионерская Церковь»[234]. И мы тоже должны быть способны уверенно сказать нашим братьям: «О том, что мы видели и слышали, возвещаем вам, чтобы и вы имели общение с нами» (1 Ин 1, 3). В самом деле, нет ничего более прекрасного, чем встречаться со Христом и сообщать Его всем. Впрочем, само установление Евхаристии предвосхищает то, что составляет средоточие миссии Иисуса: Он послан Отцом для искупления мира (ср. Ин 3, 16-17; Рим 8, 32). Во время последней Вечери Иисус вверяет Своим ученикам Таинство, которое актуализирует принесение Им в жертву Самого Себя в послушании Отцу ради спасения всех нас. Мы не можем приступать к евхаристической Трапезе, не давая вовлечь себя в то движение миссии, которое, беря начало в самом Сердце Бога, стремится достичь всех людей. Поэтому миссионерская устремленность является составляющей частью евхаристической формы христианской жизни.

Евхаристия и свидетельство

85. Первая и основополагающая миссия, проистекающая из святых Тайн, которые мы празднуем, – приносить свидетельство нашей жизнью. Изумление перед даром, данным

нам Богом во Христе, запечатлевает в нашей жизни новый динамизм, который обязывает нас быть свидетелями Его любви. Мы становимся свидетелями, когда через наши поступки, слова и образ жизни некто Иной является и передается. Можно сказать, что свидетельство есть средство, которым любовь Божия достигает человека в истории, призывая его свободно принять эту радикальную новизну. В свидетельстве Бог, так сказать, подвергая Себя риску свободы человека. Сам Иисус есть свидетель верный и истинный (ср. Откр 1, 5; 3, 14); Он пришел, чтобы свидетельствовать об истине (ср. Ин 18, 37). В связи с этими мыслями мне хочется напомнить об одной концепции, которая была дорога первым христианам, но касается также и нас, современных христиан: свидетельство вплоть до дарования самих себя, вплоть до мученичества, всегда считалось в истории Церкви вершиной нового духовного культа: «Представьте тела ваши в жертву» (Рим 12, 1). Приходит на ум, к примеру, рассказ о мученичестве святого Поликарпа Смирнского, ученика святого Иоанна: всё драматическое развитие представлено как литургия, более того – как то, что сам мученик становится Евхаристией^[235]. Вспомним также о том евхаристическом сознании, которое проявляет святой Игнатий Антиохийский в связи со своим мученичеством: он считает себя «пшеницей Божией» и желает в мученичестве стать «чистым хлебом Христовым»^[236]. Христианин, жертвующий своей жизнью в мученическом подвиге, входит в полное общение с Пасхой Иисуса Христа и так сам становится Евхаристией вместе с Ним. И сегодня по-прежнему в Церкви нет недостатка в мучениках, в которых высшим образом проявляется любовь Божия. Даже когда испытание мученичеством от нас не требуется, мы, тем не менее, знаем, что благоудный Богу культ требует надлежащей внутренней готовности^[237] и находит ее осуществление в радостном и убежденном свидетельстве соответствующей христианской жизни перед миром, в той среде, где Господь нас призывает Его возвещать.

Единственный Спаситель – Иисус Христос

86. Подчеркивание внутренней связи между Евхаристией и миссией позволяет нам вновь открыть глубинное содержание нашей весты. Чем больше любви к Евхаристии будет жить в сердце народа Божия, тем больше для него будет ясен долг миссии *нести Христа*. Это не какая-то идея или вдохновленная Им этика, но дар самой Его Личности. Тот, кто не сообщает истины Любви своим братьям и сестрам, отдал еще не достаточно. Таким образом, Евхаристия как Таинство нашего спасения неизбежно напоминает нам об исключительности Христа и спасения, которое Он совершил ценою Своей крови. Следовательно, из евхаристической Тайны, в которую веруют и которую совершают, проистекает требование непрестанно направлять всех на миссионерскую деятельность, центром которой является возвещение Иисуса, единственного Спасителя^[238]. Это поможет избежать ограниченного и чисто социологического понимания той жизненно важной работы по содействию человеческому развитию, которая всегда предполагается во всяком подлинном процессе евангелизации.

Свобода культа

87. В этом контексте я хочу напомнить о том, что утверждали Отцы во время Ассамблеи Синода касательно серьезных трудностей, которые обременяют собой миссию христианских общин, живущих в ситуациях, когда они являются меньшинством, или даже в условиях отсутствия религиозной свободы^[239]. Поистине мы должны благодарить Господа за всех епископов, священников, людей посвященной Богу жизни и мирян, которые занимаются возвещением Евангелия и живут своей верой, подвергая опасности собственную жизнь. В мире есть много регионов, где совершать богослужения и принадлежать к Церкви представляет собой героическое свидетельство, когда тот, кто это делает, рискует быть изгнанным или подвергнуться насилию. В этой связи я хочу также подтвердить солидарность всей Церкви с теми, кто страдает в отсутствии свободы культа. Там, где нет религиозной свободы, как известно, отсутствует самая значительная свобода, поскольку в вере человек выражает внутреннее решение относительно конечного смысла своего существования. Поэтому будем молиться о расширении пространства религиозной свободы во всех государствах, чтобы христиане, как и представители других религий, могли свободно жить согласно своим убеждениям, как индивидуально, так и общинно.

Евхаристия – Тайна, которую надлежит предлагать миру

Евхаристия – Хлеб, преломляемый за жизнь мира

88. «Хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира» (Ин 6, 51), Этими словами Господь открывает истинное значение дарования Его собственной жизни за всех людей, показывая нам также то глубокое сострадание, которое Он испытывает к каждому человеку, Действительно, Евангелия многократно сообщают нам о чувствах Иисуса по отношению к другим людям, особенно к тем, кто страдает, и к грешникам (ср. Мф 20, 34; Мк 6, 34; Лк 19, 41). Через глубоко человеческие чувства Он выражает спасительное намерение Бога, чтобы каждый человек достиг истинной жизни. Всякое евхаристическое священнодействие сакраментально актуализирует тот дар, который сделал из Своей жизни Иисус на кресте ради нас и всего мира. В то же время, в Евхаристии Иисус делает нас свидетелями сострадания Божия к каждому из наших братьев и сестер. Вокруг евхаристической Тайны возникает служение милосердия по отношению к ближнему, которое «состоит именно в том, что я люблю – в Боге и вместе с Богом – незнакомого мне или даже неприятного человека. Это может произойти лишь вследствие глубокой встречи с Богом, приведшей к общности воли и затронувшей чувства. Тогда я учусь смотреть на этого другого человека не только своими глазами и воспринимать своими чувствами, но в соответствии с перспективой Иисуса Христа»^[240]. Таким образом, в людях, к которым я приближаюсь, я признаю братьев и сестер, за которых Господь отдал Свою жизнь, возлюбив их «до конца» (Ин 13, 1). Следовательно, наши общины, когда совершают Евхаристию, должны всё лучше осознавать, что жертва Христа – за всех и что поэтому

Евхаристия побуждает каждого человека, верующего в Него, делаться «хлебом, преломляемым» за других, и посвящать себя стараниям делать мир более справедливым и более братским. Вспомнив об умножении хлебов и рыб, мы должны признать, что Христос и сегодня продолжает увещевать Своих учеников, чтобы они лично включились в это дело: «Вы дайте им есть» (Мф 14, 16). Призвание каждого из нас поистине состоит в том, чтобы быть вместе с Иисусом *хлебом, преломляемым за жизнь мира*.

Социальные аспекты евхаристической Тайны

89. Соединение со Христом, которое осуществляется в Таинстве, открывает нам также новизну в общественных отношениях: «“Мистика” этого Таинства имеет социальный характер». Действительно, «соединение со Христом является одновременно соединением со всеми другими, которым Он дарует Себя. Я не могу обладать Христом лично, только для самого себя; я могу принадлежать Ему лишь в единении со всеми теми, кто уже принадлежит или будет принадлежать Ему»^[241]. В этой связи необходимо пояснить взаимосвязь между евхаристической Тайной и общественным служением. Евхаристия есть Таинство общения между братьями и сестрами, которые готовы быть примиренными во Христе – в Том, Кто сделал из иудеев и язычников один народ, разрушив разделявшую их стену вражды (ср. Еф 2, 14). Только это непрестанное стремление в перспективе примирения позволяет достойно причащаться Тела и Крови Христа (ср. Мф 5, 23-24)^[242]. Через воспоминание Его жертвы Он укрепляет общение между братьями и сестрами и, в частности, побуждает тех, кто находится в состоянии конфликта, спешить к примирению, открываясь для диалога и служения справедливости. Несомненно, восстановление справедливости, примирение и прощение являются условиями созидания истинного мира^[243]. Из этого сознания возникает также воля к преобразованию несправедливых структур, чтобы восстановить уважение к достоинству человека, созданного по образу и подобию Бога. Именно посредством практического раскрытия этой ответственности Евхаристия становится в жизни тем, что она знаменует в священнодействии. Как я уже отмечал, в задачи Церкви не входит принимать участие в политической борьбе для построения по возможности более справедливого общества; однако она не может и не должна оставаться в стороне от борьбы за справедливость. Церковь «обязана вступить в эту борьбу путем рационального аргументирования, и ее долг – пробудить духовные силы, без которых справедливость, подразумевающая всегда также отказ от чего-то, не может утвердиться и процветать»^[244].

Ввиду социальной ответственности всех христиан Отцы Синода напомнили, что жертва Христа есть тайна освобождения, которая постоянно озадачивает нас и бросает нам вызов. Поэтому я обращаюсь с призывом ко всем верным, чтобы они были действительно миротворцами и творцами справедливости: «Тот, кто участвует в Евхаристии, должен по-настоящему участвовать в созидании мира в нашем мире, до такой степени отмеченном насилием, войнами, а в наши дни – особенно терроризмом, экономической коррупцией и

сексуальной эксплуатацией»[245]. Всё это проблемы, порождающие, в свою очередь, другие унижительные явления, которые вызывают крайнее беспокойство. Мы знаем, что к этим ситуациям нельзя подходить поверхностно. Именно ради силы Тайны, нами совершаемой, нам нужно разоблачать всё, что противостоит достоинству человека, за которого Христос пролил Свою кровь, подтвердив тем самым высокое достоинство каждой личности.

Пища истины и человеческая нужда

90. Мы не можем оставаться бездейственными перед лицом некоторых процессов глобализации, которые зачастую непомерно увеличивают разрыв между бедными и богатыми на мировом уровне. Нам следует обличать тех, кто расточает богатства земли, порождая неравенство, которое взывает к небу (ср. Иак 5, 4). Например, невозможно молчать, когда видишь «ужасающие картины больших лагерей перемещенных лиц или беженцев, которые собраны в различных частях света во временных условиях, чтобы избежать еще худшей участи, но по-прежнему нуждаются во всем. Разве эти люди – не наши братья и сестры? Разве их дети не явились на свет с теми же законными чаяниями счастья, что и у других?»[246]. Господь Иисус, Хлеб жизни вечной, побуждает нас быть внимательными к ситуациям нужды, в которых оказывается еще немалая часть человечества, – ситуациям, за причины которых на людях лежит ответственность, нередко очевидная и не оставляющая в покое. Действительно, «на основе доступных статистических данных можно утверждать, что по меньшей мере половины тех колоссальных сумм, которые во всем мире тратятся на оружие, было бы достаточно для того, чтобы стабильно избавить от нищеты огромную армию бедных. Это вызов для человеческой совести. Для населения, живущего ниже порога бедности, – больше по причинам, зависящим от международных политических, коммерческих и культурных отношений, нежели в силу неконтролируемых обстоятельств, – наше общее служение делу истины может и должно дать новую надежду»[247].

Пища истины побуждает нас к тому, чтобы обличать недостойные человека ситуации, в которых люди умирают от голода по причине несправедливости и эксплуатации, и дает нам обновленные силы и мужество, чтобы неустанно трудиться для созидания цивилизации любви. С самого начала христиане заботились о том, чтобы делиться своими благами (ср. Деян 4, 32) и помогать бедным (ср. Рим 15, 26). Сборы пожертвований, осуществляемые при литургических собраниях, являются живой памятью об этом, но они же остаются по-прежнему весьма насущной потребностью. Церковные благотворительные институты, в частности *Caritas*, на различных уровнях исполняют очень ценное служение помощи в нужде, прежде всего бедным. Черпая из Евхаристии, Таинства любви, свое вдохновение, они становятся ее конкретным проявлением; поэтому они заслуживают одобрения и поощрения за свое служение делу солидарности в мире.

Социальное учение Церкви

91. Тайна Евхаристии делает нас способными и побуждает к мужественному служению в структурах нашего мира, чтобы нести туда новизну отношений, неисчерпаемым источником которого является дар Божий. Молитва, повторяемая нами на каждой Мессе, – «Хлеб наш насущный дай нам на сей день», – обязывает нас делать всё возможное в сотрудничестве с международными, государственными и частными организациями, чтобы прекратить или хотя бы уменьшить в мире такой позор, как голод или недоедание, от которого страдают миллионы людей, прежде всего в развивающихся странах. Особенно христианин-мирянин, воспитанный школой Евхаристии, призван принимать непосредственно свою политическую и социальную ответственность. Чтобы он был способен исполнять эти задачи соответствующим образом, подобает готовить его посредством конкретного воспитания милосердия и справедливости. Поэтому, как просил о том Синод, нужно, чтобы в епархиях и христианских общинах осуществлялось и развивалось просвещение в сфере социального учения Церкви[248]. В этом драгоценном наследии, берущем свое начало в самом раннем церковном Предании, мы находим элементы, которые очень мудро ориентируют нас в христианском поведении перед лицом острых социальных проблем. Этому учению, созревавшему в течение всей двухтысячелетней истории Церкви, свойственны реализм и взвешенность, помогающие избегать как обманчивых компромиссов, так и пустых утопий.

Освящение мира и защита творения

92. Наконец, для развития глубокой евхаристической духовности, способной также заметно воздействовать на общественную ткань, важно, чтобы христианский народ, воздающий благодарение Евхаристией, осознавал, что делает это во имя всего творения, радея таким образом об освящении всего мира и интенсивно трудясь с этой целью[249]. Евхаристия сама озаряет мощным светом историю человечества и всей вселенной. В этой сакраментальной перспективе мы изо дня в день познаём, что всякое церковное событие обладает характером знамения, которым Бог сообщает нам Себя и спрашивает нас. Так евхаристическая форма жизни может поистине способствовать подлинному изменению ментальности в понимании нами истории и мира. Всему этому учит нас сама литургия, когда во время приношения даров священник обращается к Богу с молитвой благословения и прошения касательно хлеба и вина, «плода земли», «плода лозы» и «трудов человеческих». Этими словами, помимо включения в приношение Богу всей деятельности и всех стараний людей, обряд побуждает нас рассматривать землю как творение Божие, которое производит для нас то, в чем мы нуждаемся для нашего существования. Земля – это не какая-то нейтральная реальность, не просто материя, которую можно использовать безразлично, соответственно человеческим инстинктам. Она находится в самом средоточии благого замысла Бога, Которым все мы призваны быть сынами и дочерьми в единственном Сыне Божиим Иисусе Христе (ср. Еф 1, 4-12). Законная озабоченность экологическим состоянием творения в столь многих частях мира находит поддержку в перспективе христианской

надежды, которая вовлекает нас в ответственный труд по сохранению творения^[250]. Действительно, во взаимосвязи между Евхаристией и вселенной мы открываем единство замысла Божия, что приводит нас к пониманию глубокой связи между творением и «новым творением», начатым в воскресении Христа, нового Адама. Мы в нем участвуем уже сейчас в силу Крещения (ср. Кол 2, 12 и далее); таким образом, для нашей христианской жизни, питаемой Евхаристией, открывается перспектива нового мира, нового неба и новой земли, где нисходит с неба новый Иерусалим, «приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего» (ср. Откр 21, 2).

Польза Евхаристического компендиума

93. В завершение этих размышлений, на которых я захотел остановиться в соответствии с ориентирами, выявившимися во время Синода, я желаю также принять просьбу, высказанную Отцами Синода в целях помощи христианскому народу всё лучше и лучше верить в евхаристическую Тайну, совершать ее и жить ею. Заботами компетентных ведомств будет издан *Компендиум*; он будет содержать тексты из *Катехизиса Католической Церкви*, молитвы, разъяснения Евхаристических молитв Миссала и всё то, что может оказаться полезным для правильного понимания Таинства алтаря, для его совершения и для поклонения ему^[251]. Я желаю, чтобы этот инструмент способствовал тому, что воспоминание Пасхи Господней будет изо дня в день представлять собой изобильный источник и вершину жизни и миссии Церкви и побуждать каждого верного делать свою жизнь истинным духовным культом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

94. Дорогие братья и сестры, Евхаристия является источником всякого вида святости, и каждый из нас призван к полноте жизни в Духе Святом. Сколько святых сделали свою жизнь подлинной благодаря евхаристическому благочестию! От святого Игнатия Антиохийского до святого Августина, от святого аввы Антония до святого Бенедикта, от святого Франциска Ассизского до святого Фомы Аквинского, от святой Клары Ассизской до святой Екатерины Сиенской, от святого Пасхалия Байлона до святого Петра Юлиана Эймара, от святого Альфонса Марии де Лигуори до блаженного Шарля де Фуко, от святого Иоанна Марии Вианнея до святой Терезы из Лизьё, от святого Пия из Пьетрельчины до блаженной Терезы Калькуттской, от блаженного Петра Георгия Фрассати до блаженного Ивана Мерца – здесь названы только некоторые из множества имен, – святость всегда находила свой центр в Таинстве Евхаристии.

Итак, нужно, чтобы в Церкви это Пресвятое Таинство было истинным предметом веры, чтобы оно совершалось с благоговением и чтобы им интенсивно жили. Тот дар, какой Иисус сделал из Себя Самого в Таинстве воспоминания Его Страстей, подтверждает нам, что успех нашей жизни основывается на участии в тринитарной жизни, которая предлагается

нам в Нем окончательно и действенно. Совершение Евхаристии и поклонение ей позволяет нам приближаться к любви Божией и лично прилепиться к ней вплоть до единения с возлюбленным Господом. Дарование нашей жизни, общение со всей общиной верующих и солидарность с каждым человеком представляют собой неотделимые аспекты *logiké latreía* – духовного культа, святого и благоугодного Богу (ср. Рим 12, 1), в котором вся наша конкретная человеческая реальность преобразуется во славу Божию. Поэтому я призываю всех пастырей уделять еще большее внимание развитию подлинно евхаристической христианской духовности. Священники, диаконы и все, кто исполняет евхаристическое служение, смогут всегда извлекать из этого служения, совершаемого с усердием и постоянной подготовкой, силу и стимул для своего личного и общинного пути освящения. Я увещаю всех мирян – особенно семьи – постоянно находить в этом Таинстве любви Христовой энергию, чтобы преобразовать свою жизнь в подлинное знамение присутствия воскресшего Господа. Я прошу всех людей посвященной Богу жизни показывать на примере собственной евхаристической жизни сияние и красоту полной принадлежности Господу.

95. В начале IV в. христианский культ был еще запрещен имперскими властями. Некоторые христиане Северной Африки, ощущавшие свою обязанность праздновать День Господень, пренебрегли запретом. Они были подвергнуты мученичеству, поскольку заявили, что для них невозможно жить без Евхаристии, пищи Господней: *sine dominico non possumus* [без воскресного дня не можем][252]. Да молятся обо всех нас эти мученики из Абитены в едином сонме со столькими святыми и блаженными, которые делали Евхаристию центром своей жизни, и да научают нас быть верными нашей встрече с воскресшим Христом. Мы тоже не можем жить без участия в Таинстве нашего спасения и желаем быть *iuxta dominicam viventes* [живущими воскресным днем], то есть переносить в нашу жизнь то, что мы совершаем в День Господень. Этот день есть поистине день нашего окончательного освобождения. Надо ли удивляться нашему желанию того, чтобы каждый день был прожит в соответствии с новизной, принесенной Христом в Тайне Евхаристии?

96. Пресвятая Мария, Дева Непорочная, Ковчег нового и вечного завета, да споспешествует нам на этом пути навстречу грядущему Господу. В Ней мы обретаем наиболее совершенное исполнение сущности Церкви. Церковь видит в Марии «Евхаристическую Жену», как назвал Ее Слуга Божий Иоанн Павел II [253], самый удачный образ самой себя и созерцает Ее как незаменимый образец евхаристической жизни. Вот почему, предуготовляясь к принятию на алтаре «*verum Corpus natum de Maria Virgine*» [истинного Тела, рожденного от Девы Марии], священник от лица литургического собрания молится: «... мы чтим прежде всего память славной Приснодевы Марии, Матери Бога и Господа нашего Иисуса Христа» [254]. Ее святое имя поминается и читается в канонах восточных христианских традиций. Верные, в свою очередь, «препоручают Марии, Матери Церкви, свою жизнь и свои труды. Стараясь иметь те же чувствования, что и Мария, они помогают всей общине, чтобы та жила, как жертва живая, благоугодная Отцу» [255]. Мария есть *Tota pulchra*, Всепрекрасная, ибо в Ней блистает сияние славы Божией. Красота небесной литургии, которая должна отражаться и в

наших собраниях, в Ней обретает верное зеркало. Мы должны учиться у Нее становиться евхаристическими и церковными людьми, чтобы и мы могли, по слову святого Павла, предстать «непорочными» перед Господом, как Он того желал от начала (ср Кол 1, 22; Еф 1, 4)[256].

97. Пусть по ходатайству Пресвятой Девы Марии Дух Святой воспламенит в нас то же горение, какое ощутили ученики в Эммаусе (ср. Лк 24, 13-35), и обновит в нашей жизни евхаристическое изумление перед сиянием и благолепием, которые сверкают в литургическом обряде – действенном знаменнии самой безмерной красоты святой тайны Божией. Те ученики встали и возвратились в Иерусалим, чтобы поделиться своей радостью со своими братьями и сестрами по вере. Действительно, истинная радость – узнать, что Господь остается с нами как наш верный спутник. Евхаристия позволяет нам открыть, что Христос, Который умер и воскрес, являет Себя нам как наш современник в тайне Церкви, Своего Тела. Мы стали свидетелями этой тайны любви. Пожелаем друг другу того, чтобы идти в радости и изумлении к Евхаристии, дабы ощутить и возвестить другим истину тех слов, которыми Иисус «простился» со Своими учениками: «Я с вами во все дни до скончания века» (Мф 28, 20).

Дано в Риме, у Святого Петра, 22 февраля, в праздник Кафедры святого апостола Петра, года 2007-го, моего Понтификата – второго.

BENEDICTUS PP. XVI

[1] Ср. св. Фома Аквинский, *Сумма теологии*, III, вопр. 73, ст. 3.

[2] Св. Августин, *Трактат на Евангелие от Иоанна*, 26, 5: *PL*, 35, 1609.

[3] Бенедикт XVI, Доклад на пленарной сессии Конгрегации вероучения (10 февраля 2006): *AAS* 98 (2006), 255.

[4] Ср. Бенедикт XVI, Выступление перед участниками Ординарного совета генерального секретариата Синода Епископов (1 июня 2006): *L'Osservatore Romano*, 2 giugno 2006, p. 5.

[5] Ср. *Предложение 2*.

[6] Я обращаю здесь внимание на необходимость разъяснения преемственности также в связи с правильным пониманием литургического развития после II Ватиканского Собора: ср.

Бенедикт XVI, *Обращение к Римской Курии* (22 декабря 2005): AAS 98 (2006), 44-45.

[7] Ср. AAS 97 (2005), 337-352.

[8] Ср. *Anno dell'Eucaristia: suggerimenti e proposte* (15 Октября 2004): *L'Osservatore Romano*, 15 ottobre 2004, supplemento.

[9] Ср. AAS 95 (2003), 433-475. Нужно, прежде всего, упомянуть Наставление Конгрегации богослужения и дисциплины таинств *Redemptionis Sacramentum* (25 марта 2004): AAS 96 (2004), 549-601, которого особенно желал Иоанн Павел II.

[10] Напомню только самые важные документы: Тридентский Вселенский Собор, *Учение и каноны о жертвоприношении св. Мессы*, DS, 1738-1759; Лев XIII, Энциклика *Mirae caritatis* (28 мая 1902): AAS (1903), 115-136; Пий XII, Энциклика *Mediator Dei* (20 ноября 1947): AAS 39 (1947), 521-595; Павел VI, Энциклика *Mysterium fidei* (3 сентября 1965): AAS 57 (1965), 753-774; Иоанн Павел II, Энциклика *Ecclesia de Eucaristia* (17 апреля 2003): AAS 95 (2003), 433-475; Конгрегация богослужения и дисциплины таинств, Наставление *Eucharisticum mysterium* (25 мая 1967): AAS 59 (1967), 539-573; Наставление *Liturgiam authenticam* (28 марта 2001): AAS 93 (2001), 685-726.

[11] Ср. *Предложение 1*.

[12] N. 14: AAS 98 (2006), 229.

[13] *Катехизис Католической Церкви*, 1327. (Прим. пер.: Цитаты из *Катехизиса Католической Церкви* приводятся по 4-му русскому изданию, М.: «Духовная библиотека», 2001).

[14] *Предложение 16*.

[15] Бенедикт XVI, *Проповедь при вступлении на Римскую Кафедру* (7 мая 2005): AAS 97 (2005), 752.

[16] Ср. *Предложение 4*.

[17] *О Троице*, VIII, 8, 12: CCL 50, 287.

[18] Энциклика *Deus caritas est* (25 декабря 2005), 12: AAS 98 (2006), 228. (Прим. пер.: Цитаты из Энциклики *Deus caritas est* приводятся преимущественно по русскому переводу, подготовленному и опубликованному католической информационной службой AGNUZ).

[19] Ср. *Предложение 3*.

[20] Литургия Часов, Гимн на торжество Пресвятого Тела и Крови Христа.

[21] Бенедикт XVI, Энциклика *Deus caritas est*, (25 декабря 2005), 13: AAS 98 (2006), 228.

[22] Бенедикт XVI, Проповедь на эспланаде Мариенфельд (21 августа 2005): AAS 97 (2005), 891-892.

[23] Ср. Предложение 3.

[24] Ср. Римский Миссал, IV Евхаристическая молитва.

[25] Поучение XXIII, 7: PG 33, 1114-1115.

[26] Ср. О священстве, VI, 4: PG 48, 681.

[27] Там же, III, 4: PG 48, 642.

[28] Ср. Предложение 22.

[29] Ср. Предложение 42: «Эта евхаристическая встреча осуществляется в Духе Святом, Который нас преображает и освящает. Он пробуждает в ученике твердую волю дерзновенно возвещать другим то, что он слышал и видел, чтобы вести и их к той же встрече со Христом. Таким образом, ученик становится миссионером, который будучи послан от евхаристической Трапезы, отправляется на миссию, не имеющую границ».

[30] Ср. II Ватиканский Вселенский Собор Догматическая конституция о Церкви *Lumen gentium*, 3; ср., напр., св. Иоанн Златоуст, *Огласительное слово* 3,13-19; SC 50, 174-177.(31) Иоанн Павел II, Энциклика *Ecclesia de Eucharistia* (17 апреля 2003), 1: AAS 95 (2003), 433.

[31] Иоанн Павел II, Энциклика *Ecclesia de Eucharistia* (17 апреля 2003), 1: AAS 95 (2003), 433.

[32] Там же, 21: AAS 95 (2003), 447.

[33] Ср. Иоанн Павел II, Энциклика *Redemptor hominis* (4 марта 1979), 20: AAS 71 (1979), 309-316; Апостольское послание *Dominicae Cenae* (24 февраля 1980), 4: AAS 72 (1980), 119-121.

[34] Ср. Предложение 5.

[35] Св. Фома Аквинский, *Сумма теологии*, III, вопр. 80, ст. 4: «В этом Таинстве, как и в других, то, что есть таинство, – это знак того, что есть реальность таинства. Ведь реальность этого

Таинства двойная, как говорилось выше: одна – которая обозначается и содержится, а именно, Сам Христос; другая же обозначена, но не содержится, а именно, мистическое Тело Христово, которое есть общество святых. Посему кто принимает это Таинство, тем самым знаменует свое единение со Христом и включение в члены Его Тела. И это осуществляется оформленной верой, которой нет ни у кого, на ком смертный грех».

[36] N. 38: AAS 95 (2003), 458.

[37] II Ватиканский Вселенский Собор, Догматическая конституция о Церкви *Lumen gentium*, 23. (Прим. пер.: Цитаты из документов II Ватиканского Собора приводятся по русскому переводу, опубликованному в сборнике *Документы II Ватиканского Собора*. М.: «Паолине», 1998).

[38] Конгрегация вероучения, Послание к епископам Католической Церкви о некоторых аспектах Церкви как общения *Communio notio* (28 мая 1992), 11: AAS 85 (1993), 845.

[39] Предложение 5: «Термин “кафолический” выражает вселенскость, проистекающую из единства, которое Евхаристия, совершаемая в каждой Церкви, созидает и которой благоприятствует. Отдельные Церкви во Вселенской Церкви имеют, таким образом, совершая Евхаристию, обязанность свои собственные отличия делать зримыми в единстве. Эти узы братской любви призваны служить отпечатком троического общения. Соборы и синоды знаменуют в истории этот братский аспект Церкви».

[40] Ср. там же.

[41] Декрет о служении и жизни священников *Presbyterorum Ordinis*, 5.

[42] Ср. Предложение 14.

[43] Догматическая конституция о Церкви *Lumen Gentium*, 1.

[44] О Молитве Господней, 23: PL 4, 553.

[45] II Ватиканский Вселенский Собор Догматическая конституция о Церкви *Lumen gentium*, 48; Ср. также там же 9.

[46] Ср. Предложение 13.

[47] Ср. II Ватиканский Вселенский Собор, Догматическая конституция о Церкви *Lumen gentium*, 7.

[48] Ср. там же, 11; II Ватиканский Вселенский Собор Догматическая конституция о Церкви *Lumen Gentium*, 11; II Ватиканский Вселенский Собор, Декрет о миссионерской деятельности Церкви *Ad gentes*, 9.13.

[49] Ср. Иоанн Павел II, Апостольское послание *Dominicae Cenae* (24 февраля 1980), 7: AAS 72 (1980), 124-127; II Ватиканский Вселенский Собор, Декрет о служении и жизни священников *Presbyterorum ordinis*, 5).

[50] Ср. Кодекс канонов Восточных Церквей, кан. 710.

[51] Ср. Чин христианского посвящения взрослых, Общее введение, пп. 34-36.

[52] Ср. Чин Крещения детей, Введение пп. 18-19.

[53] Ср. Предложение 15.

[54] Ср. Предложение 7; Иоанн Павел II, Энциклика *Ecclesia de Eucharistia* (17 апреля 2003), 36: AAS 95 (2003), 457-458.

[55] Ср. Иоанн Павел II, Послесинодальное Апостольское обращение *Reconciliatio et Paenitentia* (2 Декабря 1984), 18: AAS 77 (1985), 224-228.

[56] Ср. Катехизис Католической Церкви, 1385.

[57] Здесь вспоминается *Confiteor* [Исповедуюсь] или слова, которые священник и община произносят перед тем, как приступить к Причастию: «Господи, я не достоин, чтобы Ты вошел под кров мой, но скажи только слово, и исцелится душа моя». Не менее знаменательно и то, что для священника литургия предназначает несколько очень красивых молитв, переданных нам традицией, которые напоминают о необходимости просить о прощении, как, например, в молитве, произносимой вполголоса перед тем, как пригласить верных к Причащению: «Священным Телом и Кровью Своею избавь меня от всех беззаконий моих и от всякого зла, помоги мне всегда блюсти заповеди Твои и не дай мне отпасть от Тебя».

[58] Ср. св. Иоанн Дамаскин, *О правой вере*, IV, 9: PG 94, 1124 с; св. Григорий Назианзин, *Проповедь* 19, 17: PG 36, 356A; Тридентский Вселенский Собор, *Учение о таинстве покаяния*, гл. 2. DS 1672.

[59] Ср. II Ватиканский Вселенский Собор Догматическая конституция о Церкви *Lumen Gentium*, 11; Иоанн Павел II, Послесинодальное Апостольское обращение *Reconciliatio et Paenitentia* (2 Декабря 1984), 30: AAS 77 (1985), 256-257.

[60] Ср. *Предложение 7*.

[61] Иоанн Павел II, *Motu proprio Misericordia Dei* (7 апреля 2002): AAS 94 (2002), 452-459.

[62] Вместе с Отцами Синода я напоминаю, что несакраментальные покаянные богослужения, упомянутые в чине таинства Примирения, могут быть полезны для усиления духа обращения и общения в христианских общинах, готовя души к совершению этого таинства. Ср. *Предложение 7*.

[63] Ср. *Кодекс канонического права*, кан. 508.

[64] Павел VI, Апостольская конституция *Indulgentiarum doctrina* (1 января 1967), *Normae*, п. 1: AAS 59 (1967), 21.

[65] *Там же*, 9: AAS 59 (1967), 18-19.

[66] Ср. *Катехизис Католической Церкви*, 1499-1531.

[67] *Там же*, 1524.

[68] Ср. *Предложение 44*.

[69] Ср. Синод Епископов, II Генеральная Ассамблея, Документ о служебном священстве *Ultimis temporibus* (30 ноября 1971): AAS 63 (1971), 898- 942.

[70] Ср. Иоанн Павел II, Послесинодальное Апостольское обращение *Pastores dabo vobis* (25 марта 1992), 42-69: AAS 84 (1992), 729-778.

[71] Ср. II Ватиканский Вселенский Собор, Догматическая конституция о Церкви *Lumen gentium*, 10; Конгрегация вероучения, Послание к епископам Католической Церкви о о некоторых вопросах, касающихся служителя Евхаристии *Sacerdotium ministeriale* (6 августа 1983): AAS 75 (1983), 1001-1009.

[72] *Катехизис Католической Церкви*, 1548.

[73] *Там же*, 1552.

[74] Ср. *Трактат на Евангелие от Иоанна 123,5*: PL 35, 1967.

[75] Ср. *Предложение 11*.

[76] Ср. Декрет о служении и жизни священников *Presbyterorum Ordinis*, 16.

[77] Ср. Иоанн XXIII, Энциклика *Sacerdotii nostri primordia* (1 августа 1959): AAS 51 (1959), 545-579; Павел VI, Энциклика *Sacerdotalis caelibatus* (24 июня 1967): AAS 59 (1967), 657-697; Иоанн Павел II, Послесинодальное Апостольское обращение *Pastores dabo vobis* (25 марта 1992), 29: AAS 84 (1992), 703-705; Бенедикт XVI, *Обращение к Римской Курии* (22 декабря 2006): *L'Osservatore Romano*, 25 dicembre 2006, p. 6.

[78] Ср. *Предложение 11*.

[79] Ср. II Ватиканский Вселенский Собор, Декрет о подготовке ко священству *Optatam totius*, 6; *Кодекс канонического права*, кан. 241, § 1 и кан. 1029; *Кодекс канонов Восточных Церквей*, кан. 342, § 1 и кан. 758; Иоанн Павел II, Послесинодальное Апостольское обращение *Pastores dabo vobis* (25 марта 1992), 11.34.50: AAS 84 (1992), 673-675; 712- 714; 746-748; Конгрегация по делам клириков, Руководство по служению и жизни пресвитеров *Dives Ecclesiae* (31 марта 1994), 58: LEV, 1994, pp. 56-58; Конгрегация католического образования, Наставление о критериях для распознавания призваний среди лиц, имеющих склонность к гомосексуализму, ввиду их доступа к семинарии и к рукоположению (4 ноября 2005): AAS 97 (2005), 1007- 1013.

[80] Ср. *Предложение 12*; Иоанн Павел II, Послесинодальное Апостольское обращение *Pastores dabo vobis* (25 марта 1992), 41: AAS 84 (1992), 726-729.

[81] II Ватиканский Вселенский Собор, Догматическая конституция о Церкви *Lumen gentium*, 29.

[82] Ср. *Предложение 38*.

[83] Ср. Иоанн Павел II, Послесинодальное Апостольское обращение *Familiaris consortio* (22 ноября 1981), 57: AAS 74 (1982), 149-150.

[84] Апостольское послание *Mulieris dignitatem* (15 Августа 1988), 26: AAS 80 (1988), 1715-1716.

[85] *Катехизис Католической Церкви*, 1617.

[86] Ср. *Предложение 8*.

[87] Ср. II Ватиканский Вселенский Собор, Догматическая конституция о Церкви *Lumen gentium*, 11.

[88] Ср. *Предложение 8*.

[89] Ср. Иоанн Павел II, Апостольское послание *Mulieris dignitatem* (15 августа 1988): AAS 80 (1988), 1653-1729; Конгрегация вероучения, *Epistula de mutuis relationibus inter viros et mulieres* (31 мая 2004): AAS 96 (2004), 671-687.

[90] Ср. Предложение 9.

[91] Ср. Катехизис Католической Церкви, 1640.

[92] Ср. Иоанн Павел II, Послесинодальное Апостольское обращение *Familiaris consortio* (22 Ноября 1981), 84: AAS 74 (1982), 184-186; Конгрегация вероучения, Послание к епископам Католической Церкви о принятии Причастия верными, вступившими в новый брак после развода *Annus Internationalis Familiae* (14 Сентября 1994): AAS 86 (1994), 974-979.

[93] Ср. Папский совет по законодательным текстам, Наставление о нормах, которые должны соблюдаться в церковных трибуналах в делах о браке *Dignitas connubii* (25 января 2005) [Pontificium Consilium de Legum Textibus, Istruzione sulle norme da osservarsi nei tribunali ecclesiastici nelle cause matrimoniali *Dignitas connubii* (25 Ianuarii 2005), Città del Vaticano 2005].

[94] Ср. Предложение 40.

[95] Бенедикт XVI, Речь перед сотрудниками Трибунала Римской Роты по случаю торжественного начала судебного года (28 января 2006): AAS 98 (2006), 138.

[96] Ср. Предложение 40.

[97] Ср. Там же.

[98] Ср. Там же.

[99] Ср. II Ватиканский Вселенский Собор, Догматическая конституция о Церкви *Lumen gentium*, 48.

[100] Ср. Предложение 3.

[101] Хотелось бы также напомнить исполненные надежды и утешения слова, которые мы находим во II Евхаристической молитве: «Помяни также братьев наших, усопших в надежде воскресения, и всех почивших в Твоей благодати и прими их в свет лица Твоего».

[102] Ср. Бенедикт XVI, Проповедь (8 декабря 2005): AAS 98 (2006), 15-16.

[103] Догматическая конституция о Церкви *Lumen gentium*, 58.

[104] Предложение 4.

[105] *Relatio post disceptationem*, 4: *L'Osservatore Romano*, 14 ottobre 2005, p. 5.

[106] Ср. *Проповедь* 1, 7; 11, 10; 22, 7; 29, 76: *Sermones dominicales ad fidem codicum nunc denuo editi*, Grottaferrata, 1977, pp. 135, 209 s., 292 s., 337; Ср. Бенедикт XVI, Послание к церковным движениям и новым общинам (22 мая 2006): *AAS* 98 (2006), 463.

[107] Ср. II Ватиканский Вселенский Собор, Догматическая конституция о Божественном Откровении *Dei Verbum*, 2.4.

[108] Предложение 33.

[109] *Проповедь* 227, 1: PL 38, 1099.

[110] Св. Августин, *Трактат на Евангелие от Иоанна* 21, 8: PL 35, 1568.

[111] Там же 28,1: PL 35, 1622.

[112] Ср. Предложение 30. Также святая Месса, которую Церковь совершает в течение недели и в которой верные приглашаются участвовать, обретает свою собственную форму в Дне Господнем, то есть дне Христова воскресения; Предложение 43.

[113] Ср. Предложение 2.

[114] Ср. Предложение 2.

[115] Ср. Предложение 25.

[116] Ср. Предложение 19. Предложение 25 поясняет: «Подлинное священнодействие выражает священный характер евхаристической Тайны. Она должна явственно проступить в словах и действиях священнодействующего священника, когда он ходатайствует перед Богом Отцом либо вместе с верными, либо за них».

[117] *Общее наставление к Римскому Миссалу*, 22; Ср. II Ватиканский Вселенский Собор, Конституция о священной Литургии *Sacrosanctum Concilium*, 41; Конгрегация богослужения и дисциплины таинств, *Наставление Redemptionis Sacramentum* (25 марта 2004), 19-25: *AAS* 96 (2004), 555-557.

[118] Ср. II Ватиканский Вселенский Собор, Декрет о пастырском служении епископов в

Церкви *Christus Dominus*, 14; Конституция о священной Литургии *Sacrosanctum Concilium*, 41.

[119] *Общее наставление к Римскому Миссалу*, 22.

[120] Ср. *там же*.

[121] Ср. *Предложение 25*.

[122] Ср. II Ватиканский Вселенский Собор, Конституция о священной Литургии *Sacrosanctum Concilium*, 112-130.

[123] Ср. *Предложение 27*.

[124] Ср. *там же*.

[125] Обо всем, что касается этих элементов, подобает верно придерживаться того, что означено в *Общем наставлении к Римскому Миссалу*.

[126] Ср. *Общее наставление к Римскому Миссалу*, 39-41; II Ватиканский Вселенский Собор, Конституция о священной Литургии *Sacrosanctum Concilium*, 112-118.

[127] *Проповедь 34,1: PL 38, 210*.

[128] Ср. *Предложение 25*: «Как и все художественные средства выражения, пение должно глубоко гармонировать с богослужением, в истинном участии служению его цели, то есть в выражении веры, являя молитву, благоговение и любовь к Иисусу, присутствующему в Евхаристии».

[129] Ср. *Предложение 29*.

[130] Ср. *Предложение 36*.

[131] Ср. II Ватиканский Вселенский Собор, Конституция о священной Литургии *Sacrosanctum Concilium*, 116; *Общее наставление к Римскому Миссалу*, 41.

[132] (132) *Общее наставление к Римскому Миссалу*, 28; Ср. II Ватиканский Вселенский Собор, Конституция о священной Литургии *Sacrosanctum Concilium*, 56; Священная Конгрегация обрядов, *Наставление Eucharisticum Mysterium* (25 мая 1967), 3: AAS 57 (1967), 540-543.

[133] (133) Ср. *Предложение 18*.

[134] Там же 18.

[135] *Общее наставление к Римскому Миссалу*, 29.

[136] Ср. Иоанн Павел II, Энциклика *Fides et Ratio* (14 сентября 1998), 13: AAS 91 (1999), 15-16.

[137] Св. Иероним, *Толкование на Исаию*, Пролог: PL 24,17; Ср. II Ватиканский Вселенский Собор, Догматическая конституция о Божественном Откровении *Dei Verbum*, 25.

[138] Ср. *Предложение* 31.

[139] *Общее наставление к Римскому Миссалу*, 29; Ср. II Ватиканский Вселенский Собор, Конституция о священной Литургии *Sacrosanctum Concilium*, 7. 33. 52.

[140] *Предложение* 19.

[141] Ср. II Ватиканский Вселенский Собор, Конституция о священной Литургии *Sacrosanctum Concilium*, 52.

[142] Ср. II Ватиканский Вселенский Собор, Догматическая конституция о Божественном Откровении *Dei Verbum*, 21.

[143] В этой связи Синод поощрил разработку пастырских документов, основывающихся на трехгодичном лекционарии, которые помогут глубоко связать произнесение положенных чтений с вероучением: ср. *Предложение* 19.

[144] Ср. *Предложение* 20.

[145] *Общее наставление к Римскому Миссалу*, 78.

[146] Ср. Там же 78-79.

[147] Ср. *Предложение* 22.

[148] *Общее наставление к Римскому Миссалу*, 79 г.

[149] Там же 79 в.

[150] Принимая во внимание древние и досточтимые обычаи, а также пожелания, высказанные Отцами Синода, я попросил компетентные ведомства изучить возможность перемещения Приветствия мира на другой момент богослужения, например, перед

Приношением даров к алтарю. Такой выбор, помимо прочего, может служить действенным напоминанием о необходимости примирения, которое всегда требуется перед принесением дара Богу (ср. Мф 5. 23 и далее): ср. *Предложение 23*.

[151] Ср. Конгрегация богослужения и дисциплины таинств, Наставление *Redemptionis Sacramentum* (25 марта 2004), 80-96: AAS 96 (2004), 574-577.

[152] Ср. *Предложение 34*.

[153] Ср. *Предложение 35*.

[154] Ср. *Предложение 24*.

[155] Ср. II Ватиканский Вселенский Собор, Конституция о священной Литургии *Sacrosanctum Concilium*, 14-20; 30 д.; 48 д.; Конгрегация богослужения и дисциплины таинств, Наставление *Redemptionis Sacramentum* (25 марта 2004), 36-42: AAS 96 (2004), 561-564.

[156] N. 48.

[157] *Там же*.

[158] Ср. Конгрегация по делам клириков и другие ведомства Римской Курии, Наставление о сотрудничестве мирян в священническом служении *Ecclesiae de mysterio* (15 августа 1997): AAS 89 (1997), 852-877.

[159] Ср. *Предложение 33*.

[160] *Общее наставление к Римскому Миссалу*, 92.

[161] Ср. *Там же* 94.

[162] Ср. II Ватиканский Вселенский Собор, Декрет об апостольстве мирян *Apostolicam actuositatem*, 24; *Общее наставление к Римскому Миссалу*, 95-111; Конгрегация богослужения и дисциплины таинств, Наставление *Redemptionis Sacramentum* (25 марта 2004), 43-47: AAS 96 (2004), 564-566; *Предложение 33*: «Такие служения следует вводить по особому мандату и соответственно реальным потребностям священнодействующей общины. Лиц, которые уполномочены совершать такие литургические служения, доверяемые мирянам, следует выбирать тщательным образом, подобающе подготавливать и сопровождать постоянным воспитанием. Они должны назначаться на определенный срок. Эти люди должны быть известны общине и сердечно ею приниматься».

[163] Ср. II Ватиканский Вселенский Собор, Конституция о священной Литургии *Sacrosanctum Concilium*, 37-42.

[164] Ср. *Общее наставление к Римскому Миссалу*, 386-399.

[165] AAS 87 (1995), 288-314.

[166] Послесинодальное Апостольское обращение *Ecclesia in Africa* (14 сентября 1995), 55-71: AAS 88 (1996), 34-37; Послесинодальное Апостольское обращение *Ecclesia in America* (22 января 1999), 16.40.64.70-72: AAS 91 (1999), 752-753; 775-776; 799; 805-809; Послесинодальное Апостольское обращение *Ecclesia in Asia* (6 ноября 1999), 21s.: AAS 92 (2000), 482-487; Послесинодальное Апостольское обращение *Ecclesia in Oceania* (22 ноября 2001), 16: AAS 94 (2002), 382-384; Послесинодальное Апостольское обращение *Ecclesia in Europa* (28 июня 2003), 58-60: AAS 95 (2003), 685-686.

[167] Ср. *Предложение 26*.

[168] Ср. *Предложение 35*; II Ватиканский Вселенский Собор, Конституция о священной Литургии *Sacrosanctum Concilium*, 11.

[169] Ср. *Катехизис Католической Церкви*, 1388; II Ватиканский Вселенский Собор, Конституция о священной Литургии *Sacrosanctum Concilium*, 55.

[170] Ср. Иоанн Павел II, Энциклика *Ecclesia de Eucharistia* (17 апреля 2003), 34: AAS 95 (2003), 456.

[171] Например: св. Фома Аквинский, *Сумма теологии*, III, вопр. 80, ст. 1,2; св. Тереза Иисусова, *Путь совершенствования*, гл. 35. Это учение утверждено властью Тридентского Собора, сессия XIII, гл. VIII.

[172] Ср. Иоанн Павел II, Энциклика *Ut unum sint* (25 мая 1995), 8: AAS 87 (1995), 925-926.

[173] Ср. *Предложение 41*; II Ватиканский Вселенский Собор, Декрет de oecumenismo *Unitatis redintegratio*, 8, 15; Иоанн Павел II, Энциклика *Ut unum sint* (25 мая 1995), 46: AAS 87 (1995), 948; Энциклика *Ecclesia de Eucharistia* (17 апреля 2003), 45-46: AAS 95 (2003), 463-464; *Кодекс канонического права*, кан. 844 §§ 3-4; *Кодекс канонов Восточных Церквей*, кан. 671 §§ 3-4; Папский совет по содействию христианскому единству, *Правило по применению принципов и норм по экуменизму* (25 Марта 1993), 125, 129-131: AAS 85 (1993), 1087, 1088-1089.

[174] Ср. nn. 1398-1401.

[175] Ср. п. 293.

[176] Ср. Папский совет по социальным коммуникациям, Пастырское наставление о социальных коммуникациях *Aetatis novae* по случаю двадцатилетия выхода Пастырского Наставления «*Communio et progressio*» (22 февраля 1992): AAS 84 (1992), 447-468.

[177] Ср. *Предложение 29*.

[178] Ср. *Предложение 44*.

[179] Ср. *Предложение 48*.

[180] Такие знания могут быть получены в период подготовки кандидатов во священство в семинарии посредством соответствующих инициатив: ср. *Предложение 45*.

[181] Ср. *Предложение 37*.

[182] Ср. Конституция о священной Литургии *Sacrosanctum Concilium*, 36 и 54.

[183] Ср. *Предложение 36*.

[184] Ср. *там же*.

[185] Ср. *Предложение 32*.

[186] Ср. *Предложение 14*.

[187] *Предложение 19*.

[188] Ср. *Предложение 14*.

[189] Ср. Бенедикт XVI, *Проповедь на I Вечерне торжества Пятидесятницы* (3 июня 2006): AAS 98 (2006), 509.

[190] Ср. *Предложение 34*.

[191] *Объяснение Псалмов 98,9: CCL XXXIX, 1385*; ср. Бенедикт XVI, *Обращение к Римской Курии* (22 декабря 2005): AAS 98 (2006), 44-45.

[192] Ср. *Предложение 6*.

[193] Бенедикт XVI, *Обращение к Римской Курии* (22 декабря 2005): AAS 98 (2006), 45.

- [194] Ср. *Предложение 6*; Congregazione per il Culto divino e la Disciplina dei Sacramenti, *Direttorio su pietà popolare e liturgia* [Конгрегация богослужения и дисциплины таинств, *Руководство по народному благочестию и богослужению*] (17 dicembre 2001), nn. 164-165, Città del Vaticano 2002, pp. 137-139]; Священная Конгрегация обрядов, *Наставление Eucharisticum Mysterium* (25 мая 1967): AAS 57 (1967), 539-573.
- [195] Ср. *Relatio post disceptationem*, 11: *L'Osservatore Romano*, 14 ottobre 2005, p. 5.
- [196] Ср. *Предложение 28*.
- [197] Ср. n. 314.
- [198] VII,10,16: PL 32,742.
- [199] Бенедикт XVI, *Проповедь на эспланаде Мариенфельд* (21 августа 2005): AAS 97 (2005), 892; Ср. *Проповедь в навечерие Пятидесятницы* (3 июня 2006): AAS 98 (2006), 505.
- [200] Ср. *Relatio post disceptationem*, 6, 47; *L'Osservatore Romano*, 14 ottobre 2005, pp. 5-6; *Предложение 43*.
- [201] *О граде Божиим*, X,6: PL 41,284.
- [202] Ср. *Катехизис Католической Церкви*, 1368.
- [203] Ср. св. Ириней, *Против ересей IV*, 20, 7: PG 7, 1037.
- [204] *Послание к Магнезийцам*, 9,1: PG 5, 670.
- [205] Ср. *I Апология 67*, 1-6; 66: PG 6, 430 д, 427, 430.
- [206] Ср. *Предложение 30*.
- [207] Ср. AAS 90 (1998), 713-766.
- [208] *Предложение 30*.
- [209] *Проповедь* (19 марта 2006): AAS 98 (2006), 324.
- [210] Резонно замечает по этому поводу *Компендиум социального учения Церкви*, 258: «Отдых открывает человеку, связанному необходимостью труда, перспективу более полной свободы – вечной субботы (ср. Евр 4. 9-10). Отдых позволяет человеку вспомнить и пережить дела Божии от творения до искупления, признать их как Его дела (ср. Еф 2. 10) и

возблагодарить за свою жизнь и за ее поддержание Того, Кто есть их источник».

[211] Ср. Предложение 10.

[212] Ср. там же.

[213] Ср. Бенедикт XVI, Речь перед епископами Епископской Конференции Кандады – Квебека, прибывшими с визитом *ad limina Apostolorum* (11 мая 2006): *L'Osservatore Romano*, 12 maggio 2006, p. 5.

[214] N. 10: AAS 71 (1979), 414-415.

[215] Бенедикт XVI, Общая аудиенция 29 марта 2006: *L'Osservatore Romano*, 30 marzo 2006, p. 4.

[216] Предложение 39.

[217] Ср. *Relatio post disceptationem*, 30: *L'Osservatore Romano*, 14 ottobre 2005, p. 6.

[218] Ср. II Ватиканский Вселенский Собор, Догматическая конституция о Церкви *Lumen gentium*, 39-42.

[219] Ср. Иоанн Павел II, Послесинодальное Апостольское обращение *Christifideles laici* (30 декабря 1988), 14. 16: AAS 81 (1989), 409-413; 416-418.

[220] Ср. Предложение 39.

[221] Ср. там же.

[222] Римский Понтификал. О рукоположении епископа, пресвитеров и диаконов, Чин рукоположения пресвитера, п. 150.

[223] Ср. Иоанн Павел II, Послесинодальное Апостольское обращение *Pastores dabo vobis* (25 марта 1992), 19-33; 70-81: AAS 84 (1992), 686-712; 778-800.

[224] Предложение 38.

[225] Предложение 39; Ср. Иоанн Павел II, Послесинодальное Апостольское обращение *Vita consecrata* (25 марта 1996), 95: AAS 88 (1996), 470-471.

[226] Кодекс канонического права, кан. 663, § 1.

[227] Ср. Иоанн Павел II, Послесинодальное Апостольское обращение *Vita consecrata* (25 марта 1996), 34: AAS 88 (1996), 407-408.

[228] Энциклика *Veritatis splendor* (6 августа 1993), 107: AAS 85 (1993), 1216- 1217.

[229] Бенедикт XVI, Энциклика *Deus caritas est* (25 декабря 2005), 14: AAS 98 (2006), 229.

[230] Ср. Иоанн Павел II, Энциклика *Evangelium vitae* (25 марта 1995), 107: AAS 87 (1995), 401-522; Бенедикт XVI, Речь в Папской академии *Pro vita* (27 февраля 2006): AAS 98 (2006), 264-265.

[231] Ср. Конгрегация вероучения, Доктринальная нота о некоторых проблемах, касающихся служения и поведения верных в политической жизни (24 ноября 2002): AAS 96 (2004), 359-370.

[232] Ср. Предложение 46.

[233] AAS 97 (2005), 711.

[234] Предложение 42.

[235] Ср. О мученичестве святого Поликарпа, XV,1: PG 5, 1039, 1042.

[236] Св. Игнатий Антиохийский, Послание к Римлянам, IV,1: PG 5, 690.

[237] Ср. II Ватиканский Вселенский Собор, Догматическая конституция о Церкви *Lumen gentium*, 42.

[238] Ср. Предложение 42; Конгрегация вероучения, Декларация о Иисусе Христе и о спасительной исключительности и универсальности Церкви *Dominus Iesus* (6 августа 2000), 13-15: AAS 92 (2000), 754-755.

[239] Ср. Предложение 42.

[240] Бенедикт XVI, Энциклика *Deus caritas est* (25 декабря 2005), 18: AAS 98 (2006), 232.

[241] Там же, п. 14.

[242] Во время Ассамблеи Синода мы с волнением слушали очень важные свидетельства о действенности Таинства в деле примирения. Это подтверждается в Предложении 49: «Благодаря евхаристическим богослужениям народы, находившиеся в конфликте, смогли соединиться вокруг слова Божия, слушать Его пророческую весть о примирении через

безвозмездное прощение и принимать благодать обращения, что позволяло приобщение одному и тому же Хлебу и одной и той же Чаше».

[243] Ср. Предложение 48.

[244] Бенедикт XVI, Энциклика *Deus caritas est* (25 декабря 2005), 28: AAS 98 (2006), 239.

[245] Предложение 48.

[246] Бенедикт XVI, *Речь перед дипломатами, аккредитованными при Святом Престоле* (9 января 2006): AAS 98 (2006), 127.

[247] Там же.

[248] Ср. Предложение 48. В этом особенно полезен *Компендиум социального учения Церкви*.

[249] Ср. Предложение 43.

[250] Ср. Предложение 47.

[251] Ср. Предложение 17.

[252] *Мученичество Сатурнина, Датива и многих других*, 7, 9, 10: PL 8, 707, 709-710.

[253] Ср. Иоанн Павел II, Энциклика *Ecclesia de Eucharistia* (17 апреля 2003), 53: AAS 95 (2003), 469.

[254] *I Евхаристическая молитва (Римский канон)*.

[255] Предложение 50.

[256] Ср. Бенедикт XVI, *Проповедь* (8 декабря 2005): AAS 98 (2006), 15.